

Метро 2035: Муос. Падение

Автор:

Захар Петров

Метро 2035: Муос. Падение

Захар Петров

МетроВселенная «Метро 2033»Муос #3

Что есть Истина? В поисках ответа на этот вопрос Вера готова на все. Не найдя ответа у диггеров, она пришла в спецназ, поступила в Университет, стала офицером и будет посвящена в следователи. Она пройдет весь Муос и истопчет Поверхность, оставит за собой трупы врагов и потеряет друзей.

Но успеет ли Вера найти то, что ищет, до прихода в подземный мир нового апокалипсиса?..

Книга содержит нецензурную брань.

Захар Петров

Метро 2035: Муос. Падение

© Глуховский Д. А., 2018

© Петров. З., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

I. Следователи

1

– Я не понимаю тебя, Тхорь... Командир...

– А я не нуждаюсь в твоём понимании, Стрелка. Я уважаю тебя, ты хороший воин, нужный офицер. Но теперь я – Командир, ты будешь слушаться моих приказов и впредь не только не будешь обсуждать их вслух, но даже и вида не покажешь, что с чем-то не согласна. И это наш последний разговор, когда ты говоришь со мной в таком тоне. Ты поняла меня, старший лейтенант?

– Так точно, Командир!

– Отлично! Иди, готовься к выступлению.

Вера сильнее нужного стукнула сапогами один о другой и развернулась на выход из кабинета Командира спецназа. Тхорь, кличку которого ей уже давно пора позабыть, смотрел в спину уходившего офицера. Он говорил с Верой строго, сразу указав на дистанцию, которая отделяет командира пятерки от Командира спецназа. Но что-то было в его взгляде, заставлявшее Веру думать, будто он сожалеет о своих действиях. А может быть, он еще просто не привык быть среди уборов первым человеком.

Вера вернулась из Госпиталя в Урочище, которое было тем и не тем, что раньше. Казарма почти обезлюдела – все были на войне с диггерами. Только женщины и дети наполняли Урочище своими голосами. На время войны здесь для несения дежурств оставалась только одна пятерка, да еще одна набралась из раненых, которые успели выписаться из Госпиталя.

Чем ближе она подходила к входу в Урочище, тем меньше оставалось в ней тех мыслей и сомнений, которые наваливались на нее в Госпитале. Войдя в казарму,

она остановилась возле шконки Паука. На маленькой полочке стояла вырезанная из дерева лошадка. Почему-то Пауку последнее время нравилось делать фигурки именно лошадей – этих давно погибших в атомной войне красивых животных. Лошадка была почти готова: при нажатии на загривок она немного сгибала шею и чуть-чуть приподымала ноги. Как раз в день ухода на войну Паук покрасил черной краской приклеенные льняные пучки, имитировавшие гриву и хвост, а также аккуратно прорисовал копытца и глаза. Закончить свою работу, покрыв все коричневой краской, он собирался после возвращения с задания. Вера поставила лошадку на ладонь и подивилась тонкой работе погибшего мастера. Она грустно подумала, что у детей в Урочище не скоро появятся такие чудесные игрушки. Лошадку она решила оставить себе и, как будто воруя, быстро сунула ее в свой рюкзак.

Подойдя к шконке Фойера, она вспомнила, как всегда радовался, видя ее, этот немолодой весельчак. Шконка была аккуратно заправлена – казалось, что она ждала своего хозяина. Вера не удивилась бы, если б со стороны столовки теперь раздавался веселый разговор Фойера, часто начинавшийся словами «А наша Стрелка...».

Где-то еще воевали Саха и Паха, но без Фойера и Паука Урочище для Веры стало пустым и холодным, да и внутри нее тоже была эта леденящая пустота, которую сможет заполнить только кровь врагов, убивших ее друзей. Она хотела быстрее уйти на войну, которая длилась слишком уж долго. Она была уверена, что там она нужна как никто. Не зная диггеров, Штаб тратит силы республиканцев зря, и только она смогла бы встряхнуть ситуацию и помочь быстрее закончить эту битву.

Когда на следующий день ее в кабинет вызвал Командир, Вера ожидала, что ее направят к своим солдатам, но вместо этого Тхорь приказал ей с четырьмя бойцами осуществить сопровождение какой-то научной экспедиции из Ученого совета, Штаба и Инспектората. Прежде чем отдать приказ, Тхорь разразился длинным вступлением о том, что ей надо окрепнуть после Госпиталя, что кто-то должен оставаться в Урочище, что сопровождение экспедиции – тоже важное задание. И Вера поняла, что это не решение Тхоря, а указание Штаба отказаться от ее участия в противостоянии с диггерами, и была этим взбешена. Вера хотела, чтобы война быстрее закончилась, после чего она просто сядет и обдумает, как ей жить дальше, а вместо этого ее почему-то не пускают туда, где она очень нужна, туда, где погибли ее Паук и Фойер и где сейчас воюют Саха и Паха.

– Офицер, я думаю, вам сообщили порядок наших отношений – я имею в виду, кто кому подчиняется в этой экспедиции? – с явным пренебрежением спрашивала ученый-биолог.

Вера несколько раз видела эту немолодую, но стройную женщину с очень тонким носом и колючими темными глазами в Университете. Студенты из числа медиков и биологов называли ее Трахеей: может быть, из-за высокого роста, а может, из-за постоянного крика, которым она одаривала студентов-медиков, аграриев и зоотехников, и без того боявшихся ее до заикания. Вряд ли профессор помнит Веру-студентку и теперь несколько обескуражена тем, что именно девушка руководит «группой сопровождения», как нелепо окрестили сборную пятерку в Штабе.

– Да, доктор, мне сообщили, что я должна выполнять ваши указания.

– Вы должны выполнять приказы! Все мои приказы, как бы вы к ним ни относились! Я предупреждаю всех: поселение Ботаники заражено. Все, кто в нем находится, – носители или потенциальные носители опасной болезни. Все мы тоже рискуем заразиться, но это само по себе не так страшно. Страшно будет, если мы вынесем болезнь за пределы Ботаников – медленное вымирание ждет тогда всех жителей Муоса. Поэтому даже малейшее повреждение скафандра означает, что одетый в него остается в Ботаниках на неопределенный срок – независимо от того, из-за чего случилось повреждение.

Это задание не нравилось Вере все больше и больше. Единственный положительный момент в нем – в этой экспедиции была Джессика. Времени поговорить у них не было, да и их окружение к этому не располагало. И все же, встретившись глазами с мулаткой, Вера едва сдержала радостное удивление; а Джессика даже не собиралась ничего сдерживать и во все тридцать два зуба улыбнулась своей бывшей пациентке. Если бы Вере сообщили, что эта начинающая эскулапка напросилась идти в зараженное поселение сама, она этому совсем не удивилась бы.

Кроме ученой тетки и Джессики, которым предстояло обследовать зараженных и оказать им помощь, с ними шли два инженера с целью «обследовать помещения и коммуникации поселения Ботаники», а также низкорослый щуплый

майор из Штаба, совершенно не похожий на военного, не посчитавший нужным представиться или хотя бы сообщить свою роль в этой миссии. Его непонятное присутствие Вере не понравилось тем больше, что по старшинству звания он должен был командовать военной частью экспедиции, однако дал понять, что командование остается за Верой, а он будет только присутствовать.

Коридор, ведущий к главному входу в Ботаники, был прегражден тремя герметично натянутыми прорезиненными льняными тряпками-перепонками. Для того чтобы попасть за перепонку, они должны были приподнять нижний ее край, прижатый к полу тяжелой металлической арматурой, а поверх еще замазанный мокрой глиной. Между первой и второй перепонками они надели скафандры. Офицер и мужчина в сером одеянии – по-видимому, медик – внимательно осмотрели их со всех сторон, а потом провели по стыкам скафандров кисточкой, которую макали в ведро с тягучей серой массой – каким-то антисептиком, очень вонючим, судя по тому, как кривились они оба. Между второй и третьей перепонкой их встретил усиленный наряд вооруженных армейцев в толстых повязках, закрывающих рты и носы. За третьей, у самой металлической двери в бункер, они увидели еще несколько солдат в скафандрах. Пол и стены здесь были мокрыми, скафандры армейцев – тоже. Все здесь регулярно и тщательно заливалось антисептической жидкостью.

После того, как все оказались по эту сторону перепонки, армейцы тщательно закрыли лаз, замазали его стыки глиной. Один из солдат, по-видимому, старший наряда, обратился к Вере, видя в ее руках офицерский арбалет:

– Приготовьтесь к бою, могут попереть – было уже такое. Чуть что – стрелять на поражение.

Вера кивком отдала команду, ее люди взвели арбалеты. То же сделали и двое армейцев. Остальные солдаты привели в действие два больших баллона с поршнями. Двое армейцев стали качать поршни, двое взяли в руки идущие от них шланги, направив распылители в сторону двери.

Офицер открыл толстую дверь – неокрашенную, с мощными засовами и герметичными зажимами, со следами свежей сварки. За ней была еще одна дверь – старая, с облезлой краской, вмятинами и царапинами. Похоже, наружная дверь была смонтирована совсем недавно, уже после объявления карантина – ее можно было открыть только снаружи. Из шлангов в дверной проем брызнули две распыленные струи обеззараживающей жидкости. Командир, стоя в этом

облаке, постучал прикладом арбалета в дверь. Оттуда послышался полный надежды взволнованный женский голос:

– Кто там? Кто?

Офицер громко, но бесстрастно ответил:

– К вам пришла медицинская помощь, как вам и обещали. Но чтобы не получилось, как в тот раз, дверь отмыкаете, но не открываете – мы сами ее откроем. Отходите на десять шагов назад и ждете там, пока к вам не войдут врачи. Кто-нибудь рванет к двери – сразу стреляем. С врачами будут военные – убры. Во всем слушаетесь их – им приказано убивать всех, кто без разрешения попытается приблизиться или сделать что-то не так. Вам понятно?

– Да-да! Все понятно! Я открываю дверь, и мы отходим.

Лязгнуло запорное устройство. Офицер повернулся и сообщил:

– Входите очень быстро, чтобы дверь была открыта как можно меньше времени. Чтобы выйти, стукните три раза по три с короткими промежутками. Вас я тоже предупреждаю: если кто-то будет ранен или допустит повреждение в скафандре – можете даже не выходить, оставайтесь там. Все, я открываю дверь: военные вперед, врачи и прочие – за ними.

Офицер открыл дверь, быстро заглянул внутрь и убедился, что поселенцы отошли достаточно далеко, а потом шагнул в сторону, оставив проход пустым. Его солдаты еще сильнее стали давить на поршни, от чего струи распыляемой жидкости создали сплошную туманную завесу в дверном проеме. Вера вслед за своими людьми почти вбежала в помещение. Буквально через секунду за ними захлопнулась дверь.

Поселение Ботаники располагалось в бывшем подземном служебном помещении Минского Ботанического сада. Когда-то оно использовалось как хранилище для семян, саженцев, для проведения каких-то ботанических исследований – собственно, это и дало название поселению. Поселение Ботаники было относительно небольшим, но многолюдным. До нашествия ленточников оно не

имело статуса самостоятельного поселения, входило в юрисдикцию станции Академия наук, с которым соединялось прямым подземным коридором. Ботанический сад, очищенный от экзотических деревьев и кустарников, превратился в плодородное поле, способное прокормить почти семь десятков Ботаников. После изгнания ленточников поселение Ботаники заполнили переселенцы, которых из-за естественного прироста и плановой миграции становилось все больше. Сюда же на постоянной основе прикомандировали двух ученых из Университета для проведения исследований по выведению новых сортов картофеля, льна и других культур.

Вера всматривалась в этих перепуганных людей, носивших заношенные повязки сомнительной стерильности и эффективности, но видимых признаков какой-либо болезни не заметила.

– Администратор жив? – спросила профессор.

– Пока жив, – ответил один из мужчин. – Но вряд ли вы захотите с ним общаться.

– Понятно – заражен. А кто здесь за старшего?

– Аня! Ты? – выступила вперед высокая женщина в очках, вымученно улыбаясь и всматриваясь в стеклянное забрало скафандра профессора. – Я надеялась, что сюда пришлют именно тебя, подруга.

Женщина неуверенно сделала шаг вперед. Профессор резко одернула ее:

– Тамара, оставайся на месте. Ни шагу вперед. Обниматься мы с тобой не будем. Тебе как биологу должно быть понятно почему. Но помощь твоя, конечно, будет мне нужна.

Тамара растерялась, услышав ледяной тон своей подруги, и, как бы оправдываясь, с нескрываемой обидой сообщила:

– Анна, я здесь не сидела сложа руки. С Виктором, пока он не... мы работали по изучению этого. Но у нас нет нужных приборов, расходников...

– Да уж, работали они... Вот она, ваша работа, повылазила вся наружу... Наделали... – недовольно забурчали Ботаники, сдерживая свои эмоции в присутствии посторонних и к тому же вооруженных людей, не оставляя сомнений в том, кого они винят в своих бедах. Царапины на лице Тамары, ее подпухшие от слез глаза и загнанный взгляд говорили о том же.

– Ладно, начинаем работать! Я бы предпочла, чтобы нам не мешали, – властно сообщила профессор, повернувшись вполборота к Вере и тем самым дав понять, что ей пора действовать. – А ты, Тамара, иди со мной.

Вера немедленно кивнула своим бойцам и, чуть приподняв арбалет, громко крикнула:

– Все зайдите в то помещение. Что это у вас? Кладовая? Отлично, все зайдите туда. Так, хорошо. Если кто-то попытается выйти, мы стреляем без предупреждения. Если это случится, могут пострадать дети. Еще раз насчет детей – вы за них в ответе, поэтому позаботьтесь, чтобы никто не выходил...

Ботаники удивились, услышав женский голос, не слишком искаженный фильтрами скафандра, но все же покорно попятились. Они едва вместились в кладовую. Снаружи за ними заперли дверь.

– Офицер, предпочту, чтобы вы шли с нами. Там больные, и я бы не хотела всяких недоразумений, – вроде как попросила, но на самом деле приказала профессор.

– А мы пока займемся своими делами, – сообщил один из инженеров, направляясь со своим коллегой осматривать помещения. Штабист уже давно от них отошел и, смешно заложив руку за спину, прохаживался взад и вперед, как на прогулке, при этом внимательно осматривая пол, стены, потолок и внутреннее убранство помещений.

Вера убедилась в прочности запора, оставила там двух солдат, а сама с еще двумя направилась за профессором и Тамарой. Они вышли в коридор, который огибал основное помещение по периметру. Профессор пропустила Веру вперед как бы из вежливости, но Вера подумала, что профессор боится своей подруги, вернее, той заразы, носителем которой она может быть. Из-за Вериной спины Анна спросила у Тамары:

– Твои соображения?

– Это мицеон.

– Я читала это в твоей докладной. Но насколько ты в этом уверена?

Тамара остановилась и резко обернулась.

– Анна, мне бы поговорить с тобой наедине.

После недовольной паузы профессор ответила:

– Ладно. Где тут у вас есть какой-нибудь закуток? И кстати, офицера ты можешь не бояться. Она умеет быть глухой и слепой. Ведь так, офицер?

У Веры нарастала неприязнь к профессору, причину чего она пока сформулировать для себя не могла. Может быть, из-за патологической трусости, проявившейся в брезгливой манере общения этой женщины со своей коллегой и, надо полагать, бывшей подругой, и вылившейся в боязнь остаться с ней наедине даже в скафандре. Вера дала знак остальным оставаться на месте и пошла за Тамарой. Когда они зашли за поворот коридора, Тамара каким-то неестественным сбивающимся голосом, стараясь говорить достаточно громко, чтобы слышала Анна через прорезиненную ткань головной части скафандра и в то же время не слышали те, кто оставался за углом, быстро проговорила:

– Анна, Ботаники догадываются, что причина болезни – наши с Виктором испытания. Если они узнают, меня и Виктора убьют, хотя он и так почти мертв. О мицеоне... Очевидно, гриб в результате очередной мутации стал очень агрессивным. Виктор заразился первым, скорее всего, от спор мицеона. Он долго температурил, а потом у него пошла сыпь. У нас был небольшой запас антибиотиков – Виктор сдерживал ими развитие болезни. Но большую часть антибиотиков Виктор вколол мне, хотя ему они были нужнее, я отказывалась, но он настоял – ты же знаешь Виктора. Скорее всего, это и спасло меня, вернее, пока спасло. А местные начали заражаться один за другим – споры мицеона здесь везде. То, что я пока внешне здорова, а Виктор сообщил о болезни далеко не первым, временно спасло нас от расправы, иначе местные точно решили бы, что болезнь пошла от нас... Анна! Вытащи меня отсюда! Заприте меня в

отдельную палату в инфекционке Госпиталя или у себя в лаборатории, понаблюдайте, а когда убедитесь, что я чиста, выпустите, и я буду работать над этим. Умоляю тебя, сделай это!

– Тамара, скажу честно, пока вопрос о выходе – твоем или кого-то еще из Ботаников – не стоит. Отсюда выйдут те, кто выживет, и то лишь тогда, когда болезнь будет излечена. Да и не к лицу тебе просить о таком: сама же говоришь, что из-за вас с Виктором все началось. Ты должна принять ответственность на себя и работать здесь, с этими людьми, которые страдают по вашей вине.

– И это говоришь ты, Анна? Это говоришь ты?! – Тамара произнесла это надрывным голосом, едва не срываясь на крик. – Вспомни, кто инициировал полевое испытание мицеона здесь, в Ботаниках? Кто кричал на Ученом совете и в Инспекторате, что это решит проблему продовольствия в Республике? Ты! Мицеон – это твоё детище! Это ты, Анна, во всем виновата...

– А ты считала по-другому? По-моему, ты была докладчиком на Ученом совете.

– Что я? Кто я такая? Я во всем верила тебе, – теперь Тамара уже плакала. – А надо было верить Виктору... Он нашел мицеон, он увидел его пищевую ценность и плодovitость, но он же предположил, что мицеон, вернее, его первичные, не дошедшие до нас формы, – биологическое оружие, сброшенное в Последнюю мировую. Он ведь и тебе говорил не раз, что мицеон продолжает мутировать, и нельзя проводить его открытые испытания, пока мы не найдем устойчивую форму...

– Так это же ты убедила его молчать на Ученом совете...

Вера, даже не видя лица профессора, не сомневалась, что та произнесла эту фразу с омерзительно циничной улыбкой на лице. Тамара уставилась на Анну, потом истерично всхлипнула и, уже задыхаясь от плача, произнесла:

– Да, я... Это я по твоей просьбе убедила его молчать... И он согласился... И ты была уверена, что он согласится, потому что знала, что я для него значу... Я его использовала для тебя... А ты нас использовала для себя самой... Ты по нашим трупам въехала в Ученый совет...

– Все, хватит, Тамара. Поговорим об этом позже, а пока осмотрим инфицированных.

Тамара отвернулась, продолжая тихо подвывать, надела головную часть скафандра и стала затягивать шнуры, зажимающие герметичные стяжки между головной и туловищной его частями. Из-за трясущихся рук или безразличия она сделала это не очень тщательно, и одна стяжка завернулась так, что в образовавшуюся щель сзади была видна тощая шея Тамары. Анна в этот момент стояла сзади и однозначно заметила эту оплошность. Вера была уверена, что она поправит стяжку своей подруге или хотя бы сообщит ей о разгерметизации, но та не сделала этого, даже когда ее коллега направилась к лепрозорию.

– Пойдите, я вам скафандр поправлю, – громко сказала Вера, догоняя Тамару. Проходя мимо профессора в узком коридоре, она специально, но как бы нечаянно толкнула ее.

Лепрозорий находился в мастерской поселения Ботаники. В старой ржавой двери не было предусмотрено запорного устройства, между дверью и стеной коридора вставлялись упоры, не дававшие открыть дверь. Так от больных ботаников отгораживались ботаники здоровые или, вернее, считавшие себя пока здоровыми. Перед тем как открыть дверь, по команде Веры двое ее людей поставили на боевой взвод арбалеты и вскинули их для возможного выстрела. На удивление, за дверью не было слышно плача или стонов, не было слышно ни единого шороха.

Одна потолочная лампочка мастерской давала очень тусклый свет. В тесном помещении на станках, верстаках, стульях и прямо на полу сидели и лежали около двадцати больных. На звук открывшейся двери они зашевелились, начали вставать и подходить ко входу в мастерскую.

– Назад, всем назад! – приказала Вера.

Больные остановились и молча уставились на посетителей. На этих людей, больше похожих на леших, было страшно смотреть. Их тела полностью покрылись наростами, словно стволы трухлявого дерева трутовиками. У некоторых из-за этих твердых на вид опухолей не было видно глаз, носа, ушей. Профессор отшатнулась от дверного проема и, похоже, только усилием воли

заставила себя сделать шаг обратно и снова смотреть на эти порождения кошмара.

– Они насквозь пронизаны мицелием. Грибница, вцепившись в живой организм, постепенно разрастается, одновременно подавляя иммунную систему. Я думаю, что иммунитет полностью ломается через несколько дней после заражения. На этой стадии у зараженного отмечается повышенная температура, иногда – лихорадка. Потом симптомы проходят, и наступает скрытый период – дней десять-двенадцать. Грибница по-прежнему продолжает захватывать организм, но при этом вырабатывает какие-то вещества, действующие как обезболивающее и гормон. По иронии, зараженный чувствует себя хорошо как никогда: у него отличное настроение, повышенная работоспособность и все нарастающее чувство голода – за день они съедали тройную норму. Думаю, это тоже из-за мицеона – ему надо, чтобы зараженный накапливал запас питательных веществ для следующей стадии. А потом начинает расти плодовое тело – то, что мы видим сейчас. Боли они не чувствуют: мицеон по-прежнему о них «заботится», если это можно так назвать. Эти шишки на них растут сначала за счет пожирания мягких тканей, хрящей, кожных покровов, то есть второстепенных органов. Шишки лопаются, выбрасывая споры, очень малые и легкие, практически невесомые. Малейшего сквозняка достаточно, чтобы разнести их куда угодно. А на самой последней стадии гриб поражает все органы: смерть наступает от отказа печени, почек, остановки сердца или поражения мозга, от чего угодно – это самая агрессивная стадия... Вот то, о чем я говорю...

Тамара указала в угол, где лежало что-то – только по приданным одеждой и обувью формам можно было догадаться, что это человеческие трупы, хотя они больше походили на упакованный в одежду хлам, сплошь покрытый шишками. Словно в подтверждение недавно сказанных Тамарой слов, над одним из трупов раздался хлопок – лопнул гриб, образовав серо-коричневое облачко из спор, которое зависло над тем, что когда-то было головой.

– Почему вы их не хороните? – не выдержала Джессика.

– Кому хоронить? Больные это сделать уже не в силах – они слишком больны, а здоровых не заставишь, сами понимаете. Да и где хоронить? Выход на Поверхность вы нам замуровали, а в коридор не пускаете... Если вас это тревожит, то трупы не успевают разлагаться – их полностью пожирает гриб, поэтому от тифа или холеры эти люди точно не умрут, – с горькой усмешкой

добавила Тамара.

Больные, как порождения другого, неправильного, искаженного мира, так и стояли, кто мог стоять, и сидели, кто стоять не мог. Они ничего не говорили и почти не двигались, как будто какие-то иллюзорные существа, сами не понимающие, как они здесь оказались.

Профессор властным тоном с оттенком чиновничьего недовольства, пытаясь заглушить внутреннюю дрожь, начала давать указания:

– Так, Джессика, чего стоишь... давай-давай, бери образцы... фрагменты инородного тела у живых и трупов, крови, тканей... мазки тоже возьми... все надо будет исследовать...

Джессика переступила порог, вошла в лепрозорий, раскрыла ящик с пробирками, шприцами, пинцетами и тампонами и принялась брать пробы у больных, которые покорно и все так же молча делали всё, что бы она ни попросила. Профессор не сдвинулась с места, так и стояла у противоположной от входа в лепрозорий стены коридора. И она бы с удовольствием ушла отсюда прямо сейчас, подальше от этого кошмара. Чтобы как-то нарушить тягостное молчание под тихий перестук инструмента Джессики и негромкое общение последней с больными, профессор спросила у своей коллеги:

– Если мицеон разносится спорами, значит, до появления плодовых тел или, как ты их называешь, шишек, зараженный не опасен для окружающих?

– Опасен. Очень опасен... – неожиданно ответил мужчина едва слышным сиплым голосом. Он полулежал-полусидел на полу, опершись спиной о стену, и мало чем теперь отличался от трупов, лежащих в углу. – У зараженного... уже через несколько дней... в выдыхаемом воздухе... на теле... есть частицы мицелия... и даже споры...

– Виктор... Виктор... – разрыдалась Тамара, но к своему коллеге и другу, скорее даже больше чем другу, она так и не подошла.

Мужчине было тяжело дышать и разговаривать, каждое слово ему давалось с усилием. На месте одного глаза у него росла шишка размером с детский кулак, еще несколько шишек на другой половине лица исказили его так, что глаз

превратился в узкую щелочку, через которую тот вряд ли мог видеть. Мужчина вяло шарил по полу рукой и наконец нашел то, что искал. Он поднял толстую потрепанную тетрадь и протянул ее:

– Здесь мои наблюдения... что я успел... мицеон тяжело будет победить...

Держать вытянутой трясущуюся руку ему было нелегко, однако ни Анна, ни Тамара, которым он хотел отдать эту тетрадь, к нему так и не подошли.

Джессика фыркнула, сама подошла к ученому, взяла тетрадь, завернула ее в герметичный мешок и положила в ящик с образцами. Перед тем как отойти от Виктора, Джессика слегка тронула его за руку и тихо сказала:

– Мы изучим все, над чем вы работали. Обязательно изучим.

Когда Джессика заканчивала брать образцы, в лепрозорий заглянул штабной офицер. Не сказав ни слова и не выказав никаких признаков удивления тем, что видит, он прошелся по мастерской, почему-то оглядывая стены, и так же молча, словно привидение, вышел. Инженеры тоже заходили, но их реакция на вид находившихся здесь в заточении людей была более бурной. Инженеры осматривали стены, пол и потолок, скорее всего, для того, чтобы убедиться, не делают ли местные подкоп и не пытаются ли каким-либо образом выбраться из своего поселения. Но какова была роль штабиста, Вера так и не поняла.

Наконец Джессика закрыла свой чемоданчик, грустно обвела взглядом обитателей лепрозория, все так же отрешенно наблюдавших происходящее, и пошла на выход. Больные возвращались на свои места. Убры помогли Тамаре установить обратно упоры, заклинивавшие дверь.

Тамара разуверилась в том, что ее отсюда заберут, и по пути в главное помещение Ботаников пыталась решить с профессором хоть какие-то вопросы:

– Нам бы антибиотиков, пусть даже просроченных, лишь бы побольше. Я же, кажется, до сих пор здорова. И новых масок для здоровых – те, что они носят, уже пять раз нужно было бы сменить. И какое-нибудь антисептическое средство, чтобы минимум раз в день мыть им полы и стены, да и слабым раствором постирать одежду и смазывать кожные покровы здоровых. И я бы хотела, чтобы всех условно здоровых протестировали... можете начать с меня... и сразу же сообщили результат, чтобы тех, кто заражен, отправить в лепрозорий... Я бы

могла сама это сделать, но если результаты тестов зараженным буду сообщать я – меня саму отправят без скафандра в лепрозорий... а если вы – другое дело...

Профессор молчала, никак не реагируя на просьбы Тамары, которая хотела еще что-то сказать, но они уже входили в главное помещение поселения. Здесь нарастало напряжение: в дверь, остававшуюся под прицелом двух уборов, изнутри стучали запертые ботаники. Когда дверь открыли, находившиеся в заточении притихли в ожидании, но по их виду было ясно, что нервы у этих людей на пределе.

Из второго ящика Джессика достала и разложила нехитрый медицинский инструмент и снова принялась брать образцы крови и мазки слюны, измерять давление и температуру. Ботаники повеселели и с надеждой смотрели на происходящее – теперь они были уверены, что хотя бы один из пришедших является врачом. Джессика взяла образцы у Тамары и еще пятерых местных, потому что у нее оставалось всего шесть комплектов для взятия анализов. Когда она закончила работу и закрыла чемодан с явным намерением уходить, тот же временный администратор, с которым они разговаривали вначале, удивленно спросил:

– И это все?! Почему вы проверили только шестерых? А где лекарства? Где антибиотики? Тамара, ты же говорила, что они принесут лекарства, которые остановят болезнь!

Джессика начала объяснять, от волнения снова с сильным акцентом:

– Поймите. Ми должны исследовать пр-робы, чтобы знать, как вас л'ечить...

Но профессор при виде надвигавшихся ботаников отбежала к входной двери, стала стучать по ней кулаком и неистово орать:

– Выпустите! Выпустите! Мы уходим.

Ее истеричный крик подействовал как детонатор.

– Куда?! Никто не уйдет! Держи их, – закричал временный администратор.

Четверо мужчин бросились к тамбуру, чтоб отрезать выход. Вера видела, что у одного из них в руках меч, остальные похватили табуретки. Тот, который был с мечом, схватил профессора за рукав и грубо отшвырнул ее от двери. Отбегая, профессор столкнулась с одним из инженеров, в результате чего они оба завалились на стол.

Из кладовки в главное помещение вбежало около дюжины ботаников, в основном мужчин, некоторые с оружием. Пока что они бестолково суетились, толпясь возле выходного тамбура, подбадривая себя грозными выкриками в адрес посетителей. Пользуясь секундной заминкой, Вера звонко крикнула:

– Холод! Дверь!

Пока ботаники соображали, что бы значил этот выкрик, Вера рванула к двери кладовки и с лету всадила тяжелым скафандровым сапогом в челюсть только намеревавшемуся выйти оттуда мужику. Пока тот заваливался назад, подоспевшие убры ударами и толчками загнали за дверь еще двух мнительных «повстанцев», сильным рывком захлопнули дверь и заперли ее со своей стороны.

– Мочи их всех! Никто не уйдет, – это кричал временный администратор. С перекошенным от злобы лицом он ударил табуреткой подымавшегося с пола инженера. Раздался звон стекла, посыпалась на пол стеклянная крошка, инженер снова рухнул на пол, потом упала табуретка, а за нею на полу оказался и сам администратор с торчащей между лопаток стрелой, пущенной Верой из арбалета.

Ботаники, запертые в кладовке, по-прежнему кричали и стучали в дверь. Но те, кто был в основном помещении, растерянно всматривались в неловко раскинувшегося на полу предводителя. По первому требованию они бросили на пол все, что держали в руках, и стали лицом к стене. Кто-то помог подняться невезучему инженеру. Через разбитое забрало шлема он растерянно смотрел на профессора. Та, не церемонясь, сообщила:

– Вы остаетесь. Вы понимаете это?

Инженер бормотал что-то невнятное. Вера условленным образом постучала в дверь. Дверь открылась, и участники экспедиции один за другим исчезли в клубах антисептического тумана. Вера, выходя последней, обернулась, с

сожалением посмотрела на инженера и ступила за порог.

3

На обратном пути она слышала разговор, который затеяла Джессика с профессоршей.

– Их можно протестировать всех, выбрать тех, кто здоров, и вывести в другое помещение, хотя бы в отсек туннеля, ведущего к поселению. Ну, хотя бы отделить еще одно помещение внутри самих Ботаников, которое тщательно дезинфицировать, и установить нормальную фильтрацию, снабдить нужными средствами, антибиотиками. Так мы можем спасти многих... хотя бы некоторых... хотя бы детей.

Джессика приводила молчавшей профессорше еще много аргументов, которые даже несведущей в медицинских вопросах Вере казались очевидными. Но член Ученого совета грубо и насмешливо оборвала Джессику:

– Кто это «мы»? Ты, что ли? Знай свое место, резервантка! Ты взята в экспедицию не как компаньон или коллега, а как тот, кого не жалко потерять, если вдруг порежешься или начудишь при отборе образцов.

Профессор ускорила шаг, Джессика на секунду остановилась, и Вера в свете фонаря уловила взгляд своей подруги. Нет, та не была обижена или расстроена. Ее гордое красивое лицо выражало только сочувствие к профессору, а может быть, и всему тому конгломерату людей, к которому относилась ученая, а может, и ко всем человекообразным обитателям Муоса, среди которых стало возможным такое отношение к своим сородичам, находящимся в смертельной опасности.

Воины спецназа не разговаривали при движении во время боевых заданий, какими бы простыми те ни были. Не сделала Вера исключения для себя и в этот раз. Они дошли до охраняемого входа в одну из секретных лабораторий Центра, зайти в которую не имела права даже Вера. Задание было окончено, образцы доставлены по назначению, профессор еще раньше направилась в Университет, инженер и штабист – докладывать что-то своему начальству. И только Джессика должна была нести опасные образцы в эту лабораторию, а потом работать с ними. Мулатка остановилась и улыбнулась Вере, сверкнув ослепительно белыми

зубами. Это уже не была улыбка той загнанной студентки, которая робко пыталась завести знакомство с Верой. Это была улыбка старшей сестры, которую о чем-то деликатном хочет спросить сестра младшая:

– Я ушла из Университета через три дня после тебя. Теперь я практикуюсь в лабораториях. А еще через месяц уйду в Резервацию – пришло мое время лечить людей.

Джессика сделала короткую паузу, как бы дразня Веру, потом снова улыбнулась и сообщила:

– После твоего ухода я его видела случайно только один раз, в коридоре. Он шел медленно, никого не замечал. Раньше я таким его не наблюдала. И я, кажется, догадываюсь, что с ним.

Вера кивнула, дав понять, что услышала то, что хотела. Но или слишком резкий кивок, или забежавшие глаза Веры, которые та прятала от хитрого взгляда Джессики, рассмешили мулатку. Она хихикнула и, приблизившись к Вере, громко прошептала ей прямо в ухо:

– Твой кивок, видимо, означает следующее: при встрече я должна сообщить Вячеславу, что я тебя встречала и ты просила ему передать, что его совсем не забыла? Ведь так?

Вера еще резче и еще смешнее кивнула, отчего они рассмеялись уже вдвоем. Топтавшиеся в стороне убры и стоявший у входа в лабораторию охранник-армеец удивленно смотрели на нелепо-веселую беседу офицера спецназа и темнокожей резервантки.

Но возвращение в Урочище после похода в Ботаники вызвало у Веры затяжной приступ депрессии. Ей приходилось видеть смерть, приходилось видеть больных, приходилось видеть умирающих. Но никогда она не была очевидцем медленной гибели целого поселения. Она привыкла, что если где-то беда, значит, нужно уничтожить врага, явившегося источником этой беды. В бою можно погибнуть, но бой с врагом – это очевидное средство победить и помочь людям. А против этого врага – спор и грибницы мутировавшего гриба – Вера бессильна. Она вынуждена принять, что несколько десятков человек в

Ботаниках ждут своей кошмарной участи. Многие из тех, кого она видела в числе здоровых, теперь пребывают в лепрозории, а некоторые пополнили ту разросшуюся кучу, которую даже могилой не назовешь.

Еще одной причиной тяжелых Вериных мыслей было то, что в Ботаниках остался один из инженеров, фактически обреченный на медленную смерть. Косвенно виновата в этом была она – ведь она сознательно дала условную команду «Холод», то есть запретила своим людям применять оружие. Положение о спецназе разрешало командиру давать такой приказ во время боевой операции только «в крайних случаях при явном численном превосходстве над невооруженным гражданским противником». Не скажи она: «Холод!» – и временный администратор наверняка валялся бы на полу своего поселения еще до того, как притронулся к кому-нибудь из членов экспедиции. Почему она это сделала? Тут все ясно – там была Джессика, которой Вера не хотела показывать кровавое шоу. И дело даже не столько в Джессике, сколько в глупой, мимолетной, толком не сформировавшейся мысли о Вячеславе, овладевшей ею за те полсекунды, в которые она принимала решение. Какой-то примитивной бабской логикой она увязала Джессику с Вячеславом, как будто мулатка при каких-то обстоятельствах могла ему рассказать о жестокой, кровожадной Вере. Как глупо!

Но дело сделано, команда «Холод» прозвучала, хотя ботаников было больше, и один из них – с мечом. А значит, Вера превысила свои полномочия, что повлекло последствия, и теперь ее могут судить. Свои, убры, конечно, ее не сдадут – слишком ее уважают в Урочище, да и плевать солдатам на потери штатских. В рапорте по результатам задания она о команде «Холод» тоже умолчала. «Куда надо» пожелали бы сообщить и капризная трусливая профессорша, и второй инженер, потерявший своего коллегу. Но это только если они поняли, что за команду дала Вера, а это маловероятно. Зато вот штабист – он-то наверняка все понял и, скорее всего, сделает то, что должен сделать. Вера хорошо помнила судьбу Зозона, отказавшегося расстреливать детей и женщин в каком-то мятежном поселении. Ее ситуация была не лучше, а «смягчающих обстоятельств» у нее в разы меньше, если они вообще есть. Она представила следователя, зачитывающего приговор на общем построении посреди Урочища, позорное срывание погон и переодевание в рубище. А потом рабочие закуют ее ноги и руки в цепи, и остаток дней она будет трудиться на каторжных работах на Поверхности, пока не выхаркает свои легкие или не сгниет от рака. Она предпочла бы по-срочному умереть в бою, но такой возможности ей не давал Тхорь или кто-то, стоящий над ним. Веру никуда не посылали, хотя остальные не задействованные на войне солдаты уходили уже не раз. И она все больше

убеждала себя в том, что это из-за инцидента в Ботаниках.

Общих тренировок в Урочище на время войны не проводили, а саму себя заставить тренироваться Вере теперь было тяжело. Большую часть времени она лежала на шконке, теребя в руках не доделанную Пауком лошадку, или перечитывая «Дзікае паляванне», или просто тупо уставившись в потолок. Так шли дни за днями, пока дневальный из числа тех, с кем она ходила в Ботаники, однажды не заглянул в казарму и с неподдельной тревогой сообщил:

– Стрелка, к тебе следователь.

Ну вот, теперь все разрешится. Ожидание приговора в любом случае хуже самого приговора. Да и время сейчас не самое плохое – в Урочище нет Сахи и Пахи, да и вообще почти никого нет, и ее позор останется только ее позором. Но эти фаталистические мысли не слишком успокаивали Веру, и она, прежде чем выйти из казармы, остановилась и сделала успокаивающее дыхательное упражнение, чтобы хотя бы выглядеть достойно в последний момент.

Следователь стоял возле Тхоря – это был он, тот, который привел ее в спецназ. Оба молчали. Каменное лицо следователя, как обычно, ничего не выражало. Откуда-то вспомнилось: «Я тебя породил, я тебя и убью», – это было очень уместно в данной ситуации. Что чувствует этот человек, глядя на нее? Или внутри этой машины правосудия нет чувств, и управляет им лишь мощная пружина из трех слов: «Сила и Закон»?

– Два месяца назад погиб следователь. Нам нужна замена. Идешь?

Смысл сказанного туго доходил до Вериных мозгов – она не сразу поняла, что это не приговор и даже не допрос, а предложение новой работы.

– У меня нет времени ждать, пока ты подумаешь. Пока мы доберемся до места, ты успеешь обдумать и, если что, сказать «нет». Только «нет» будет означать «никогда нет». А теперь я спрашиваю: ты идешь?

– Да! – быстро выпалила Вера, чем очень удивила уверенного в другом ответе Тхоря.

В день Последней мировой войны в Муос сошли десятки тысяч людей. Разных людей. Они принесли с собой все свое зло: зависть, ненависть и эгоизм. Еще вчера их скрытые демоны не показывались или почти не выбирались наружу, боясь наказания властей или осуждения окружающих. Но когда привычный жизненный уклад рухнул, когда голод, смерть и болезни наполнили подземелья, у людей прорвались звериные инстинкты. Вчерашние рабочие и служащие, бухгалтеры и домохозяйки, студенты и пенсионеры, отличницы и музыканты оказались на грани выживания. То, чем они занимались раньше, их социальный статус и общепризнанные ценности уже ничего не значили. Имели значение только еда, лекарства и дающее относительную безопасность оружие. Мораль и человечность потускнели на фоне постоянно нарастающего чувства голода и страха за свою жизнь. Уже в первый день в Муосе убивали, убивали из-за нервного срыва или временного помешательства. Доведенные до грани психического помешательства люди бросались друг на друга из-за неосторожного слова или случайного толчка. Потом стали убивать из-за еды. Или красть еду, что было почти тождественно убийству: обворованный, которому никакого замещающего пайка не полагалось, был обречен на голодную смерть.

Еще страшней были нападения на хранилища. Сколотившиеся группы бандитов, шатавшиеся в бесчисленных переходах Муоса, нападали на охрану складов, убивали и уносили всю еду, бросали к грани голодного вымирания целые поселения, не оставляя им иного выбора, как нападать на соседей, чтобы точно так же отвоевать себе кусок.

В первые же месяцы наспех созданные Силы Безопасности и отряды самообороны поселений объявили беспощадную войну бандитизму и преступлениям. Здесь было не до гуманизма и судебных тяжб – застигнутых расстреливали на месте или публично линчевали, избивая до смерти. Но далеко не всегда преступников ловили с поличным, гораздо чаще им удавалось скрыться, и полуголодные самозванные сыщики редко находили реальных виновников. И тогда собственное бессилие и слепящая ненависть заставляли их видеть следы преступления даже там, где их не было, убийцами объявляли ни в чем не повинных людей на основе одних лишь сомнительных предположений. Обезумевшие от жажды мщения поселенцы набрасывались на своих соседей только из-за того, что следы воров вели примерно в их сторону, после чего не только убивали тех, кого подозревали, но порою, опьянев от крови, вырезали их

семьи, не жалея ни детей, ни женщин, ни стариков. И никто никогда не узнает, сколько невинных казнено в пылу безумной ненависти. Поэтому очень скоро неорганизованное дикое правосудие стало почти такой же проблемой, как и сама преступность.

Декретом Президента Валерия Иванюка в системе Сил Безопасности были созданы суд, прокуратура, адвокатура, следотдел и группа исполнения приговоров, в которые были набраны вчерашние работники правоохранительных органов. Но правосудие, скопированное с довоенного, оказалось неэффективным в условиях Муоса. Бюрократизированное расследование и судебные процессы, даже при максимальном их упрощении, были слишком длительны и не могли справиться с преступностью. Да и голодный и разваливающийся на части Муос был не в состоянии содержать большой правоохранительный аппарат. Со временем суд, прокуратура, адвокатура и палачи были сокращены. Остались одни следователи, которые сочетали в себе все эти функции. Письменный процесс тоже полностью упразднен; единственным документом, заменившим многотомные уголовные дела, стал рапорт следователя, содержащий в себе краткие результаты расследования, статьи обвинения и приговор. И никаких апелляций и обжалований быть не могло, потому что приговоры приводились в исполнение немедленно, а зачастую исполнялись еще до вынесения. Следователям были даны такая власть и такие полномочия, от которых обычный человек даже с высоким уровнем нравственности мог стать кровавым беспредельщиком. Но следователи не были обычными людьми...

Дмитрий Остромецкий – первый начальник следотдела Муоса, а проще – начсот. Он сам отбирал первых следователей и сам написал Уголовный закон. И этот Уголовный закон знали наизусть все следователи единого Муоса, потом Центра, а потом и Республики. Этот Закон стал их библией, по которой они работали и жили, потому что ничего, кроме работы, в их жизни не было. Они стали монахами правосудия: следователь не мог иметь жену и детей, у него не должно было быть женщин, он отрекался от своих родных и друзей, он забывал родное поселение и не должен был общаться ни с кем, кроме начсота. У следователей не было своего дома, кроме четырех шконок на десятерых в маленьком засекреченном следственном бункере, где-то в Центре. Да и это нельзя было назвать домом, потому что следователь в следотдел появлялся, лишь чтобы сдать рапорт и получить новое задание. У следователя не было личного имущества, кроме того, что лежало в рюкзаке, да и много ли положишь в рюкзак, занятый криминалистическими приспособлениями, запасом еды и воды. Следователь не получал зарплату и ему не определялся паек. Но Закон установил обязанность для администраторов и граждан всех поселений

обеспечивать следователей необходимым: ночлегом, пищей, любой требуемой помощью в проводимом расследовании. Отказ от всех и всего, особое мышление и внушенная священная вера в Закон гарантировали абсолютную неподкупность следователей и их нечеловеческую работоспособность. Десять следователей во всем Муосе делали то, что раньше не смог бы сделать крупный отдел милиции вкупе с прокуратурой и судом.

Фактически любое слово следователя становилось законом. Он мог запретить выход из поселения на неопределенный срок, а мог потребовать уйти из поселения; мог мобилизовать военных и штатских на поисковую или боевую операцию, а мог обязать администратора арестовать любого из подчиненных; мог задействовать любые ресурсы, а мог в течение секунды привести в исполнение смертный приговор, лишь потом его зачитав.

Следователи обладали почти сверхъестественными способностями: в бою, вооруженные двумя короткими мечами, они превосходили убров и диггеров. Их мышление в результате каких-то немыслимых тренировок было устроено не так, как сознание обычных людей. Их ум работал как машина, реакция была моментальна, а память безразмерна.

Со временем следователей стали бояться и уважать. Само присутствие следователя в поселении внушало веру в Закон, справедливость и чувство защищенности. После прогремевшего на весь Муос рапорта Дмитрия Остромецкого, раскрывшего заговор ленточников, к следователям начали относиться как к фуриям, пришедшим из другого мира вершить правосудие. Завидев следователя, гражданин Республики вспоминал свои малые и большие грехи и, покрываясь потом, молил Бога, чтобы не в отношении него сейчас был вынесен приговор. А слова «Именем Республики...» повергали всех услышавших в оцепенение, не проходившее даже тогда, когда следователь завершит зачитание приговора и уйдет из поселения.

5

Следователь вел ее незнакомыми переходами Улья, длинными, сухими и относительно чистыми. Муос – это многоярусная плетенка туннелей, переходов, лазов, лестниц и шахт, соединяющих десятки станций, сотни бункеров, лабораторий, складов, недостроенных пустошей. И вот значительный фрагмент этой путаницы в районе бывшего Дома Правительства был отсечен от

остального Муоса: специальными завалами, бетонными пробками, ловушками. Лишь в нескольких из этих артерий по внешнему контуру были оборудованы мощные ворота, выставлены заслоны из самых опытных и надежных армейцев. Этот участок в Муосе называли Ульем. Говорили, что таким странным названием раньше называли домики каких-то насекомых, живших на Поверхности. Действительно, именно в Улье плотность бункеров и коммуникаций была самой большой, где-то здесь располагались Штаб, Ученый совет, геотермальная электростанция, самые важные лаборатории, кабинеты Инспектората и жилые помещения высших чиновников.

За всю дорогу следователь позволил себе один диалог:

– Что ожидает тебя, знаешь?

– Примерно.

– У тебя не будет семьи и друзей, не будет дома, не будет ничего, кроме расследования. Расследование, вернее, установление истины, станет для тебя единственным увлечением до самой смерти. А в соблюдении Закона – твой смысл жизни. После посвящения пути обратно не будет, после посвящения перестать быть следователем можно, только умерев.

– Что за посвящение?

– Увидишь. Правда, до посвящения тебе нужно работать над собой. Может быть, ты еще не подойдешь...

Наконец, они пришли. Это была комнатуха, вернее даже тупиковое расширение туннеля без двери. Кушетка с тонким одеялом, маленький столик, параша в углу, прибитая к стене черная доска, куски известки на полу.

– Это келья – так мы называем камеру для подготовки следователей. Здесь ты будешь изменять себя.

– Как это?

Следователь поднял с пола два куса известки. Одновременно двумя руками он очень быстро написал на доске две фразы, вернее, одну фразу: «Сила и Закон». При этом правая рука написала эту фразу обычно, а левая – в обратную сторону в зеркальном отражении, и закончено это было одномоментно. Потом он так же ловко и синхронно написал правой рукой слово «Следователь», а левой – «Республика», начав с последней буквы и закончив первой.

Следователь передал Вере оба куса известки. Вера подошла к доске и попыталась писать обеими руками, но как ни старалась, у нее получалось в лучшем случае одновременно выводить одинаковые буквы. Писать одновременно разные слова у нее не получалось никак.

– Твой ум не умеет раздваиваться. Ты должна научиться мыслить одновременно о разных вещах. В этом основа всего. Тогда ты сможешь драться двумя мечами, беседовать с человеком и в это же время анализировать то, что он говорит и как он говорит; идти по туннелю вслушиваясь и одновременно изучать следы; смотреть на след и сверять его с ранее увиденными... Когда ты научишься так мыслить, твой мозг начнет работать по-другому, в разы эффективней. Ты станешь другим человеком – не таким, как все. И только после этого ты сможешь ступить на вторую ступень. А теперь я тебя научу нескольким упражнениям, которые помогут рассечь твое сознание надвое. И ближайшие дни ты будешь заниматься только этим. У тебя не должно быть никаких иных мыслей, только упражнения, только разделение сознания! Да и мысли здесь ни к чему, тебе не о чем думать: от прошлого ты уже отказалась, решив стать следователем, считай, что прошлого у тебя нет. А будущего – его ведь еще нет. И настоящего тоже нет, даже этой кельи не существует, только твое сознание, которое должно разделиться надвое...

Следователь ушел. Упражнения на раздвоение сознания могли показаться простыми и глупыми. Закрывать глаза и представить перед собой двое часов: с секундной и минутной стрелкой, с делениями на циферблатах. Мысленно отсчитывать секунды и так же мысленно передвигать секундные стрелки на обоих циферблатах на каждый счет на одно деление. Правда, в одних часах – в правильном направлении, в других – в обратном. При этом необходимо было постоянно отчетливо «видеть» оба циферблата, существующих только в сознании. Когда секундная стрелка пройдет полный круг, нужно, как и в реальных часах, двинуть на одно деление обе минутные стрелки: одну в обычном направлении, другую – в противоположном... Если «управлять» парой воображаемых циферблатов удастся хотя бы с полчаса, упражнение можно

считать выполненным – так сказал следователь.

Условия задания казались простыми, но выполнить их оказалось нереально. Как ни пыталась Вера удержать в воображении одновременно оба циферблата, синхронно «двигая» стрелки, циферблаты то исчезали, то уплывали; стрелки никак не хотели двигаться в противоположных направлениях. Она судорожно двигала зрачками закрытых глаз, хотя чувствовала, что от этого упражнение дается еще хуже. Вера много раз сбивалась со счета, начинала все сначала. Со временем даже представить циферблаты было очень тяжело – дико разболелась голова. Хотелось отдохнуть или перейти к следующему упражнению, но следователь предупредил, что это – провал. «Никаких мыслей, ничего, кроме двух часов, только они – перед твоими глазами и в твоей голове».

К концу дня Вера была совершенно истощена. Ей не удалось «пронаблюдать» даже одного оборота секундных стрелок, голова раскалывалась, циферблаты плыли. Она стала слышать какие-то звуки, возможно, голоса, нестерпимо хотелось куда-то бежать – обо всем этом ее предупреждал следователь, и она упорно толкала стрелки по циферблатам, но теперь они редко когда доходили до десятисекундной отметки. Вера не заметила, как, сидя на полу, вырубилась, не выполнив рекомендацию следователя наблюдать циферблаты даже во сне. В полусне-полубреду она, почему-то оказавшись в роли следователя, стояла у входа в келью и что-то с презрением втолковывала себе же, беспомощно сидящей на полу.

Очнулась от боли – из-за неудобной позы свело шею. Не сразу поняла, где она и что делает. Воспоминания о циферблатах вызвали очередной болевой шквал в голове. Превозмогая себя, она снова принялась за упражнение с циферблатами. Прервалась пару раз – унять голодный спазм горстью сушеного картофеля из рюкзака, отпить воды из фляги и сходить на ведро. Один раз секундные стрелки уверенно проползли целый круг, но после этого начался откат – дальше десяти секунд никак. Отчаяние, звон в голове, тихий шепот из-под кровати и истеричный хохот за стеной. Вера долго удерживала себя, чтобы не заглянуть под кровать. Но вот часы – они стали очень тяжелыми, их трудно было держать в руках. Вытянутые руки болели и тряслись от тяжести этих вылитых из стали будильников. Часы надо куда-то поставить, и тогда руки освободятся. Но нельзя отводить глаз от секундных стрелок, которые, не сбиваясь, делают уже третий оборот. Кто-то тронул Веру за плечо, она оглянулась и не удержала будильники, которые упали на пол и с грохотом разбились...

Вера проснулась: она спала стоя у стены. Конечно, никаких будильников не было, ее никто не трогал и ничего не падало на пол. Но вот голова болеть не переставала, и в ушах шумело все так же. Вера теряла чувство реальности: камера казалась наполненной едким дымом, в котором свободно плавали два огромных циферблата с ползающими в противоположных направлениях стрелками. Она с трудом понимала, зачем она здесь и что делает, помнила уверенно только важность передвижения стрелок по циферблатам. Только вот дым становился все гуще, превращаясь в мутную воду, в которой она стояла уже по грудь. И часы тяжело было удерживать рядом – циферблаты уносило течением то в одну, то в другую сторону, приходилось их ловить и подталкивать один к другому. Вонючая вода подымалась, Вера стала захлебываться как раз на рекордных семи с половиной минутах...

Откуда-то выплыл следователь:

– Вера, хватит! Смотри сюда! Ты меня видишь?

Вода схлынула, вернее, не было никакой воды. Вера сидела на сухом топчане, вытаращив глаза. Перед нею стоял следователь. Он заслонял циферблаты, по которым размеренно ползли секундные стрелки.

– Вера, смотри на меня!

Несколько пощечин окончательно вернули Веру в реальность. Циферблаты почти исчезли, лишь два призрачных круга с едва видимыми синхронно движущимися стрелками мерцали где-то за спиной следователя. Вера посмотрела в лицо следователя, ей показалось, что он обеспокоен.

– Помнишь, где ты?

– Да, в келье.

– Что ты делала?

– Училась двоить сознание.

– Зачем?

– Чтобы стать следователем.

Следователь был удовлетворен ответами.

– Ты будешь следователем, я уже это вижу! Внутри тебя такая силища, что на трех следователей хватит!

– Я не справилась. За три дня я не справилась...

– Каких три дня! Ты уже неделю здесь. Ты хоть ела? Спала?

– Неделю? За неделю всего семь с половиной минут...

– А больше новички и не делали. Обычно ввали, что справились, чаще сходили с ума – но ты не из таких, я сразу это понял. Еще тогда в Мегабанке. Короче, поешь, отоспись, а я на обратном пути зайду, и продолжим...

Следователь приходил, приносил воду и еду. Давал новые упражнения и шел на задание. Со временем Вера почувствовала раздвоение – реальное расслоение своего ума. Но это не было раздвоением личности, как у шизофреников. Просто в ее голове было две почти автономные мыслительные машины, которыми успешно управляло сознание: поочередно давая задание каждой из половинок и координируя их действия. Со временем она могла без труда осознанно писать обеими руками два разных текста. Она могла читать в книге одновременно две соседние страницы. Пусть Вера и не имела возможности сейчас вступить с кем-нибудь в спарринг, она чувствовала, насколько выросли ее бойцовские качества – теперь в бою она могла не только полагаться на реакцию, навыки и интуицию, но и задействовать весь свой ум, как будто имела возможность в критический момент остановить время, спокойно все проанализировать и выбрать самый лучший прием для уничтожения противника.

Затем следователь стал усиленно тренировать ее память – в основном, зрительную. Они выходили за пределы кельи, в коридор, где следователь заставлял ее проходить отрезок коридора, запоминая все бесчисленные выщербины пола. Потом он показывал ей заблаговременно отколотый от пола кусочек бетона, размером с пуговицу, а она должна была по памяти назвать ту щербину, из которой этот фрагмент мог быть извлечен.

Между заданиями следователь принес ей стопку дактокарт, заставив ее запоминать наизусть пронумерованные папиллярные узоры сотен чьих-то пальцев, а затем, осматривая отпечатки пальцев, по памяти их узнавать...

Еще раньше он научил ее структурировать мышление. Рисуя на доске прямоугольнички разных размеров, вложенные один в один, он показывал, как нужно запоминать информацию. Теперь Верин ум не был похож на беспорядочную свалку старых и новых воспоминаний, как у обычных людей. То, что Вера узнавала в келье сейчас, и даже то, что ей пришлось узнать раньше в течение всей ее жизни, постепенно классифицировалось и расставлялось «по местам» в строгой иерархии. Теперь, чтобы что-нибудь вспомнить, она быстро ныряла в широкий туннель в своей голове, постоянно разделяющийся на все меньшие туннельчики и коридоры, причем на каждом таком ответвлении образные знаки четко указывали, к какому типу, виду и подвиду информации лежит путь. Она чувствовала, как четко и рационально начинает мыслить, как быстро и легко запоминает новое.

Она с лету постигала криминалистические хитрости; изучала теорию и практику идентификации объектов; развивала глазомер, позволявший без линейки определять размеры предметов с точностью до полумиллиметра; совершенствовала зрительную память, почти точно воспроизводя виденный ею в течение нескольких секунд текст или объект сложной формы; знакомилась с теорией раскрытия преступлений.

В один из визитов следователь вручил Вере два коротких меча. Он показал ей лишь общие правила использования парного оружия. Вера не нуждалась в дополнительном обучении и спаррингах – ее новые способности умножили прежний опыт владения оружием. Она с удовольствием вращала двумя мечами, наслаждаясь ощущением, что в ней сидят сразу два воина, каждый из которых намного сильнее прежней Веры.

Обучение длилось долгие месяцы. Теперь Вера понимала, что значили слова следователя: «Ты станешь другим человеком». Она чувствовала, каким ясным, быстрым и мощным становился ее ум, очищенный от ненужных мыслей и забот. Со временем в ней росли сила и интеллект, а вместе с ними и уверенность в себе. Это не было каким-то самодовольством, просто она наполнялась холодным осознанием готовности заниматься тем, чему ее учат.

А потом следователь принес ей «Конституцию Республики» и «Уголовный закон Республики», сшитые в одну книгу. Он не скрывал своего трепетного отношения к этой толстой брошюре – по-видимому, к единственной святыне в жизни этого человека.

– Ты должна не просто знать их наизусть, все до единой буквы и запятой. Ты должна пропитаться духом Закона, потому что в нем то, на чем стоит Муос. Без Закона – хаос. Закон и сила – основа всего, твердый фундамент, на котором зиждется настоящее и будущее.

В словах следователя не было пафоса, он просто говорил то, в чем был уверен. «Сила и Закон» – слова, услышанные ею в глубоком детстве, поразившие своей простотой и вместе с тем мистической мощью, теперь становились для Веры девизом жизни. Она бережно взяла книгу в руки и с нетерпением начала читать.

«Мы, народы Муоса, помня о поколениях, ушедших в Вечность, и думая о поколениях, грядущих в Будущем, в единстве цели, воли и разума, принимаем Конституцию Республики...» – это были первые прочтенные Верой слова в книге. Но только в преамбуле, настраивающей на священный смысл написанного, была допущена толика лирики. То, что она читала дальше, поражало ее своей продуманностью и лапидарной ясностью. Здесь не было ни одного лишнего слова и вместе с тем каждое слово имело определенный неотъемлемый смысл. Ничего подобного ей ранее читать не приходилось – разработанное не юристами, а высшими офицерами Положение о спецназе и рядом не стояло с этим математически точным документом. Конституция устанавливала структуру власти в Республике, порядок избрания и назначения чиновников, от Главного администратора, Инспектората и Парламента до военных командиров и администраторов поселений, четко оговаривала их полномочия. В Конституции были прописаны права граждан и внешних жителей, отношения между поселениями Республики и чужими территориями. Более детальный Уголовный закон Республики был концентратом запретов с указанием санкций за их нарушения. В нем же прописывался порядок действий следователей, местных администраторов и военных при наведении порядка в государстве.

Всего несколько дней ушло на заучивание Конституции и Закона – с нынешними Вериными способностями это уже не было проблемой. Эти новые знания не имели ничего общего с тем, что она учила в Университете. О существовании Конституции и Закона Вера слышала и раньше, но никогда раньше не читала их и даже не видела в печатном виде – знать их должны были только Инспекторат,

члены Парламента, администраторы и следователи. Теперь же она понимала, что вся цивилизованная часть Муоса держится на том, что записано в этой толстой брошюре. Неведомо для большинства обитателей подземелий все во владениях Республики, да отчасти и вне ее, существовало и двигалось по тому, что записано в этих кривых строках на серых страницах. Законы устанавливали порядок, идеальный порядок для всех людей, выживающих в подземельях. И если у этого мирка были шансы выжить, то без законов они уменьшались в разы. А следователи, стоящие на страже законов, являлись полумистическими хранителями этого порядка.

Эти новые знания подняли Веру на позицию, с которой ее прежнее увлечение абстрактными науками и поиск эфемерной истины показались совершенно нелепыми. Конституция и Закон не копали вглубь вещей, но вместе с тем они были насквозь пропитаны очевидным практическим смыслом и справедливостью. А значит, именно они реальны и истинны. Вот он, ответ на все терзавшие Веру вопросы и сомнения! Ответ, который прост и лежит на поверхности. И вот чем она готова заниматься до конца своей жизни и за что готова отдать жизнь.

Теперь она по-другому смотрела и на гуманистическую слабость Зозона во вражеском поселении, за которую он был когда-то разжалован, и на свое малодушие в Ботаниках. Закон не знает и не должен знать уважительных причин и исключительных случаев. Такие послабления – это трещины в граните выверенной до мелочей целесообразности. И случай в Ботаниках – заражение невинного человека – это ее вина, это преступление. Нет, она не пойдет «сдаваться», каясь в том, что произошло. Но если завтра кто бы то ни было совершит подобное, она не задумываясь покарает преступника по всей строгости Закона.

Период келейного затворничества закончился. Как всегда, ничего не объясняя, следователь привел Веру в знакомый бункер, в знакомый кабинет – именно здесь ее не то проверяли, не то тестировали, не то допрашивали в день прихода ее в Университет. За тем же аскетическим столом сидела женщина – ее Вера тоже узнала. У инспектора-психолога, как и тогда, темные волосы были стянуты в тугую узел на затылке, что должно было делать ее симпатичное лицо строгим. Но зато глаза у нее почему-то постоянно блестели, как будто она только что

плакала, что создавало ложное, а может быть, и правильное впечатление о том, что их обладательница является доверчивой, легкоранимой или даже несчастной женщиной. Увидев Веру, инспектор улыбнулась обезоруживающей улыбкой с красивыми ямочками по уголкам ее полных губ:

– А! Старая знакомая Вера Пруднич, агент диггеров, чистильщиков и всех прочих темных сил Муоса.

– Здравствуйте, инспектор-психолог, гроза всех темных сил Муоса, – рискнула съерничать в ответ Вера.

Услышав шутку, инспектор заразительно расхохоталась, похлопывая Веру по плечу. Следовательно, убедившись, что знакомство состоялось, и ничего не сказав, вышел за дверь.

– Ну, раз шутишь, значит, не обижаешься! Меня зовут Жанна! Давай по имени и на «ты», не люблю я этих официальностей. Следовательно, конечно, не объяснял, зачем ты сюда пришла. Поэтому сразу ввожу в курс дела – за двадцать дней мы с тобой должны научиться понимать людей и управлять ими, научиться влезать к ним в голову и вытягивать оттуда информацию не только когда они тебе не хотят сообщать ее сами, но даже тогда, когда искренне не могут этого сделать. Привыкай к мысли, что каждый в Муосе хочет тебе соврать. Это может быть не на сто процентов истинное утверждение, но лучше думай именно так. Верить в твоём деле нельзя никому. Поэтому учись получать ответы на вопросы, не задавая их.

– Как это?

– Ну, скажем, ты расследуешь убийство. Труп обнаружен недалеко от поселения Икс. Следов нет. Десять человек в день убийства выходили за дверь поселения поодиночке по своим вопросам. И тебе надо узнать, кто из них убийца. Как ты это будешь делать?

– Допрошу каждого...

– Это само собой разумеется, но вряд ли убийца согласится тебе все рассказать, чтобы через полчаса быть обезглавленным. Поэтому прямой вопрос: «Заходили ли вы в ответвление, где обнаружен труп?» – только все испортит. Всегда ставь

себя на место человека, которого допрашиваешь. Если он преступник, то ему нет смысла тебе отвечать правду на твой прямой вопрос о причастности к преступлению, но... подыми-ка ногу, покажи подошву...

Вера, ничего не понимая, подняла свой сапог. Жанна несколько секунд изучала Верину обувь, а потом, изобразив усталость, сообщила:

– Теперь остается узнать, кто из вас четверых, там топтавшихся, убийца.
Отвечай: ты?!

Вера отшатнулась от внезапного выкрика Жанны, которая согнувшись и дыша ей прямо в лицо, кричала:

– Если ты шла позже убийцы, то должна была видеть труп! Если шла раньше, твои следы, скорее всего, были бы затоптаны убитым, убийцей и другими, кто шел за тобой. Так, может быть, ты убила? Отвечай!

От бывшего добродушия на лице Жанны не осталось и следа, черты ее были перекошены злобой, от чего Вера невольно съежилась, стараясь вдавить себя в табуретку. Видя замешательство Веры, Жанна как ни в чем не бывало за мгновение сменила маску на лице, ангельски улыбнулась и спокойно спросила:

– Что ты ответишь?

– Что я там не шла.

– Правильно, потому что ты там действительно не шла. И этот ответ в такой ситуации можно считать истинным, потому что вступление к вопросу предполагает только правильный ответ. Ведь следователь «невзначай» проговорился о следах нескольких людей. Тот тестируемый, которого там не было, будет в недоумении отрицать оставленные следы, что бы ты ему про них ни говорила. А что делать преступнику? Ведь любой дурак понимает: если подозреваемых несколько и только один из них упрямо отрицает очевидную вещь – наличие оставленных следов, значит, скорее всего, он и есть реальный преступник. Поэтому лучше признать то, что установлено – факт прохода по месту убийства, но отрицать причастность к убийству – подозреваемых ведь все равно несколько. Так думает тестируемый, или, как говорят следователи, – допрашиваемый, вернее, не думает, думать ты не должна ему давать, – просто

такая позиция в предложенной ситуации на первый взгляд кажется очевидной. И следователь сам предложил подозреваемому новую позицию к отступлению: «Я шел, но я не убивал, убил кто-то другой из нас четверых». Но мы-то знаем, что эта новая позиция – мираж, следов никаких нет и других подозреваемых, следовательно, тоже нет. И если из десяти тестируемых на эту утку поведется один – значит, это тот, с кем нужно работать дальше.

– Но ведь это как бы... не совсем честно...

– А где ты в моих словах увидела ложь? Следователь ведь не сказал, что он видел следы, не сказал, что увидел там твой след, – он просто посмотрел на сапог и бросил ничего не значащую фразу про «четверых топтавшихся». И кто знает, кого он имел в виду: может быть, тех, кто забирал труп после твоего осмотра, а может, тех, кто проходил там два года назад. Согласна?

Вера неуверенно кивнула.

Целыми днями Жанна посвящала Веру в секретные знания психологической службы Инспектората. Поначалу это было интересно и ненавязчиво. Они проигрывали разные ситуации, в ходе которых Вера узнавала все больше о людях, о том, как устроено их мышление и как можно эффективно на них воздействовать.

– У древних были специальные машины, чтобы узнавать правду – «детекторы лжи». Они отличали ложные ответы от ответов истинных по изменению давления, частоты пульса, потоотделения. К сожалению, у нас такой техники нет, но хорошая наблюдательность и знание некоторых особенностей человеческого подсознания даст тебе возможность самой стать детектором лжи. С младенчества у человека одни эмоции сменяются другими, и организм реагирует на них конкретным образом. По выражению лица не так уж трудно определить крайние состояния человека: радость, страх, депрессию. На самом же деле человек заметно реагирует на все, что касается его лично, в том числе на слова, произносимые им и другими. Вот тут-то и надо научиться читать мысли по мимике и жестам, а особенно – по зрачкам. Проблема состоит лишь в том, что у каждого человека свой немой язык переживаний. И прежде чем этим языком начать пользоваться, его каждый раз надо изучать, с каждым новым человеком – заново. Поэтому прежде, чем задавать интересующие тебя вопросы, человека

надо протестировать, вызывая у него соответствующие состояния страха, растерянности, заведомой лжи. Но и когда изучишь человека, ты не должна давать ему расслабиться. Твоя беседа должна строиться иррационально, ты так же, как в бою, должна постоянно выводить тестируемого из равновесия.

Вера часто присутствовала при проявлении Жанной своих способностей. Вот приятного вида молодой администратор из какого-то недалекого, но очень маленького поселения был подвергнут аттестации, обязательной для инспекторов и администраторов каждые пять лет. Вера сидела в углу и чуть не заснула от довольно нудной беседы Жанны и администратора. Жанна выглядела дурочкой, постоянно перебирала какие-то сборники с визуальными тестами, роняла их перед администратором, говорила о всякой ерунде, постоянно меняя тему, и даже заигрывала с молодым человеком. Лишь иногда она спохватывалась и что-то спрашивала «по делу», но, не дожидаясь скучного ответа на скучный вопрос, перебивала тестируемого и тут же выясняла какие-то глупые подробности о нравах в поселении, несла какой-то бред о мечте жить «как все», подмигивая, спрашивала, возьмет ли он ее к себе. Администратор подыгрывал Жанне, улыбался, шутил и даже с толикой издевки, как маленькой, разъяснял ей какие-то очевидные вещи, наслаждаясь открытым любопытством в глазах явно запавшей на него девицы.

Когда Вера стала серьезно подумывать, не уйти ли ей из этого кабинета, чтобы не мешать затянувшейся идиллии, Жанна встала из-за стола, потянулась и небрежно сообщила Вере:

– Скучный материал. Из отчетов курирующего инспектора известно, что его поселение относится к категории бедствующих. Регулярно недовыполняют план по сдаче картофеля. Им даже снизили налог почти вдвое на время стабилизации ситуации. Спроси я у такого, как им живется, распустил бы нюни и рыдал бы мне в грудь о том, как они там все голодают. Но этого вопроса, к которому он наверняка готовился, не последовало. Вместо злого инспектора его аттестует какая-то слабая до мужиков и к тому же недалекая бабенка. Так ведь ты думал, парень?

Администратор, раскрыв рот, удивленно уставился на «недалекую бабенку», которая неожиданно трансформировалась в холодную канцелярскую стерву с властным голосом. Он не сразу понял, что «скучный материал» – это он (Вера и раньше замечала, что Жанна тестируемых называла «материалом»). Естественно, он ничего не ответил, да Жанна и не ожидала от него никакого

ответа. Она продолжала комментировать произошедшее, обращая внимание на администратора не более чем на бездушный учебный инвентарь.

– Прежде чем начать обрабатывать материал, нужно знать, из чего он состоит. Я перечитала досье парня: так себе, ничего необычного. Рожден он на той же станции, где ныне властвует. Для таких малых поселений администраторы не учатся в Университете полный срок, а проходят лишь двухмесячные курсы. Насмотревшись на жизнь в метрополии, он вернулся в свое захолустье. И теперь он является правителем аж для двенадцати человек, из которых две – его жены. Да и остальные – сватья-братья. Трудность в таких поселениях заключается в том, что почти всегда мини-администратор вступает в сговор со своими подчиненными для того, чтобы дурить Инспекторат. Если заглянешь в досье нашего юноши, то увидишь пару «козьявок» в его недлинной биографии, не настолько существенных, чтобы мешали его карьере, но достаточно неприятных, чтобы о них говорить вслух. Как я и предполагала, он даже не догадывался о нашей осведомленности в этих его грешках, и, как ожидалось, тестируемый несколько раз мне соврал – то, что мне и нужно. У нашего мальчика, впрочем, как и у многих других людей, во время лжи зрачки дергаются вниз-вправо и веки трогательно приопускаются. Такая вот бесполезная подсознательная реакция – как будто, отведя или прикрыв глаза, можно зашторить свои мысли. А получается все наоборот. И еще одна забавная привычка чуть поджимать губки во время тревоги. Есть много других сигнализаторов в этом симпатичном юном теле, но перегружать тебя подробностями не буду. Он и так кольнется, даже без гипноза.

Жанна внезапно отвернулась от Веры, в два больших шага оказалась возле стула администратора, поставила ногу на стул так, что администратор был вынужден раздвинуть ноги и отодвинуться на самый его край, освободив место для ботинка инспекторши. Жанна нагнулась, двумя руками схватила парня за щеки, притянула его лицо к себе, как будто хотела укусить, и, глядя прямо ему в глаза, громко крикнула:

– Быстро отвечай «да» или «нет»! Отвечай только «да» или «нет»! Ты меня понял? Отвечай, быстро! Понял?

– Да!

– Вы скрываете излишки урожая?

– Нет, что вы...

– Только «да» или «нет»!

– Нет.

– Ответ неверный, едем дальше... Вы прячете излишки на Поверхности?

– Нет!

– Верю. В тайнике возле поселения?

– Нет.

– Верю. В самом поселении?

– Нет.

– Вижу, что соврал. Совсем обнаглели: прямо дома прячут и инспекторов не боятся. Или тайник так хорош? Давай-ка его поищем. Тайник под полом?

– Нет.

– Над потолком?

– Нет.

– В стене?

– Нет!

– Понятно, в стене. Молодец, малыш, у тебя хорошо получается. Может, уже сам расскажешь? Повторю вопрос: вы скрываете излишки урожая?

– Нет.

– Ладно, работаем дальше. Тайник во входном тамбуре?

– Нет.

– В холле?

– Нет.

– В кладовке?

– Нет.

– В квартире?

– Нет.

– Молодчина, значит, все-таки в стене одной из квартир. Осталось узнать – в какой... Так, где там у нас планчик...

Чтобы взять со стола схему поселения, Жанна отпустила щеки администратора. Его колотило, он был бледным как труп, только на щеках оставались продолговатые бурые пятна от цепких пальцев Жанны. Жанна, держа в одной руке схему, второй схватила администратора снова, теперь уже за подбородок, и еще громче проорала прямо ему в лицо:

– Ну так что, продолжим поиски или расскажешь сам? Ты скрываешь излишки урожая?

– Да! Я расскажу, расскажу...

– Вот и правильно, вот и молодец, – Жанна быстро поменялась в лице, улыбнулась администратору и ласково, словно любящая мать, пригладила ему волосы. – Да ты успокойся, красавчик, не трясись так. Ты молодец, держался мужчиной. Некоторые вот прямо на этом стуле обдελывались во время тестирования, а ты ничего. Не переживай, будем считать, что ты просто рассказал мне все добровольно, после моих взываний к совести. Напишешь сейчас явку с повинной, сходишь с зональным инспектором, изымите излишек.

Жить будешь, даже на Поверхность не отправят. Переселят в другое поселение, а там, глядишь, и снова до администратора дослужишься, верно?

Парень кивал, но по щекам его текли слезы.

Вера смотрела на это спокойно, с холодным интересом. Она запоминала все, что говорила и делала Жанна, стараясь перенять все ее мастерство. И незаметно в ее строго структурированном мышлении, уже научившемся буквально все запоминать и расщеплять на составляющие, было заведено дело на незадачливого, уже можно сказать, бывшего администратора. И не то чтобы она серьезно рассчитывала когда-нибудь воспользоваться этими знаниями о мелком администраторе, который за последние полчаса стал крестьянином или разнорабочим. Просто он нарушил Закон, Вера узнала это и должна всю информацию о преступлении и об этом человеке складировать в своей голове, как ее учил следователь. Это второе заведенное Верой мысленное досье. Первое чуть раньше было заведено на Жанну, которая ничего не нарушала. Но следователи имели право по собственной инициативе собирать информацию о ком угодно в Муосе, и Вера была уверена, что информация о Жанне ей когда-нибудь непременно понадобится.

Во время тестирования Жанна упомянула о гипнозе, и вскоре Вера смогла узнать, что это такое. В ходе до занудства спокойного разговора психолог начинала говорить какие-то бессмысленные слова, иногда прикасалась к тестируемому, после чего он застывал и, уже как машина, монотонно отвечал на вопросы психолога. Повергнув человека в ступор, Жанна откровенно наслаждалась этим состоянием своих подопытных. Она задавала вопросы, явно не имеющие никакого отношения к цели тестирования, извлекая из людей такие интимные подробности их жизни, которые даже хладнокровную Веру приводили в смущение. Заметив брезгливую реакцию своей ученицы, по окончании одного из таких опытов Жанна с холодной улыбкой поведала:

– А что ж ты думала, девочка? Человек мерзок, до безобразия мерзок! Для того чтобы не терзаться из-за каких-то гуманистических комплексов, надо периодически встряхивать людские души и убеждаться, какая муть лежит на их дне.

– Ты и со мной могла бы это сделать?

– Да нет, не думаю. Дело в том, что не каждого можно подвергнуть гипнозу, хотя я буду тебя учить и этому. И тем более это тяжело сделать, если человек сопротивляется. Ведь сознание человека – как эта лампочка, посмотри на нее, она такая теплая и такая яркая... такая теплая и такая яркая... так приятно на нее смотреть и думать, что ничего нет в мире, кроме этого яркого тепла... сядь спокойно, расслабься... плыви по воздуху к лампочке... и не надо ни о чем думать... на счет «три» возвращайся! Раз! Два! Три!

Вера вздрогнула. Жанна находилась у нее за спиной, хотя Вера была уверена, что только что была напротив нее за столом.

– Ну вот, ты примерно прочувствовала на себе, как это может быть. Сейчас это с тобой получилось, потому что ты немного устала и была неготова к этому. Я перевела твоё внимание на лампочку, заиклила все твоё сознание на ней и отключила твоё критическое восприятие происходящего. То есть в цепочке «вопрос – осмысление – ответ» я выбила среднее звено.

– И все следователи это умеют? – бойко спросила Вера с восторженной заинтересованностью. – Научи и меня!

Жанна внимательно посмотрела на Веру и после паузы снова улыбнулась своей лучистой улыбкой:

– Конечно, прямо сейчас и приступим...

Вера сделала вид, что слушает Жанну оживленно и внимательно. Слушала только одной частью своего располосиненного сознания, а вторая часть обдумывала то, что произошло. Жанна погрузила ее в гипноз, и она совсем не помнит, что с ней происходило. Сколько времени она была отключенной – тоже сказать трудно, но по своим ощущениям (ноги от сидения на стуле не затекли, спина от неподвижности не устала) – видимо, не больше нескольких минут. Однако и за несколько минут у отключившегося человека можно выяснить многое. Задавала ли ей Жанна вопросы, и если да, то какие именно? В общем-то, никаких тайн у нее ни от кого и нет. Разве что об этом инциденте в Ботаниках? А может, в день приема в Университет в этом кабинете она тоже была под гипнозом? В любом случае сейчас ничего изменить нельзя. Можно только впредь быть все время настороже и не допускать таких ошибок... И еще одно: Жанна – очень опасный человек, с ней нужно быть предельно осторожной.

То, чему Жанна должна была научить Веру за двадцать дней, Вера успела освоить за полторы недели. Несколько раз Вера сама подвергала тестируемых гипнозу, да и без гипноза все чаще «раскалывала» этих бедолаг, узнавая их грехи перед Республикой. Но в отличие от Жанны, ей не хотелось лезть в те темные уголки человеческих душ, в которых хранился всякий зловонный хлам, до которого Республике нет никакого дела. Жанна это заметила и истолковала правильно – как пассивное осуждение ее действий. Еще Жанну заметно пугали успехи Веры, ступившей на черту, за которой хранились знания, открывать которые Жанна не хотела. Но срок обучения не закончился, а Вера с простоватой напористостью ставила перед инспектором-психологом такие вопросы, на которые ни соврать, ни отмолчаться та не могла и поэтому была вынуждена выдавливать из себя информацию.

Они по-прежнему играли в наставника-обучаемого, почти в приятельниц, но испытывали все нараставшую антипатию, скрывали это чувство, а также делали вид, что не замечают неприязни другого. И в этой игре, которая была не хуже самого обучения, против огромного опыта и беспредельного цинизма Жанны выступали гибкий ум, холодное самообладание и раздвоенное сознание Веры. Однажды поздно вечером, когда психологический диспут почти перешел в бабский треп о человеческих пороках, Жанна снова попыталась отключить Веру. Вера вовремя поняла это и попробовала прикинуться загипнотизированной, но что-то сделала не так, и Жанна обнаружила фальшь в ее «оцепенении». Она как ни в чем не бывало посоветовала Вере идти отдохнуть, но на следующее же утро доложила куда-то о необходимости досрочного прекращения обучения кандидата в следователи Веры Пруднич ввиду успешного овладения курсом психологических дисциплин.

7

Вера находилась в одном из самых тайных мест Муоса – в следотделе. Так был назван маленький отсек бункера Штаба, в котором, кроме комнаты следователей с четырьмя полками для сна, было еще два помещения – камера хранения инвентаря и кабинет начсота, единственным украшением интерьера которого, не считая стола, стула и койки, был огромный сейф во всю стену.

Она помнила присягу в Урочище, ожидала чего-то подобного и при посвящении в следователи. Однако посвящение, как и все в жизни следователей, было

напрочь лишено пафоса и внешнего действия. Единственной исключительной особенностью этого ритуала было обязательное участие всех следователей – пока все следователи не являлись, посвящение не проводилось. Следователи безучастно сидели на нижних полках для сна или стояли, опершись о лишенную штукатурки стену, и без всякого интереса наблюдали за происходящим. Девять следователей, начсот и Вера. Убедившись, что собрались все, начсот монотонно сообщил:

– Это одиннадцатая, которая пришла вместо четвертого. Ее абсолютный номер – тридцать семь. Сегодня с пятого по десятый переходим на один счет вперед. Одиннадцатая становится десятой...

Вера не сразу разобралась в череде числительных. Следователь (ее следователь) говорил, что одним из гарантов отказа от штатской жизни является отречение от своего имени. Следователи называют себя не по именам, а по числам – от одного до десяти: «Первый следователь», «Второй следователь» и так далее. Погиб Четвертый следователь, для восполнения десятки призвали Веру, после чего пятый следователь становится четвертым, шестой – пятым... А Вера, соответственно, становится десятой. Привлекший ее следователь был одним из самых старых в следотделе – он был Вторым следователем. Единственной новостью для Веры было то, что она еще до посвящения значилась Одиннадцатым следователем. А потом она узнает значение присвоенного ей абсолютного номера: она является тридцать седьмым человеком, прошедшим процедуру посвящения в следователи, и это же значит, что в замыкаемом ею ряду двадцать семь следователей числятся погибшими.

Все так же спокойно, как будто проверяя домашнее задание, начальник следотдела последовательно задал всем своим подчиненным вопрос:

– Первый, если десятая нарушит Закон, откажется быть следователем или не убьет себя, когда не сможет быть следователем, что ты сделаешь?

– Ликвидирую ее!

– Второй, что ты сделаешь?

– Ликвидирую.

– Третий?

– Убью ее...

Все это было записано в Уголовном законе – обязанность каждого из следователей ликвидировать своего коллегу, если тот не сможет или не захочет выполнять свою работу или преступит Закон. И все же от этого зловеще спокойного, странного и страшного ритуала у Веры по спине прошел холодок. Каждый из следователей сообщал о готовности убить ее настолько безразлично и спокойно, что не оставлял сомнения в истинности своих слов.

– Десятая! Если один из следователей нарушит Закон, откажется быть следователем или не убьет себя, когда не сможет быть следователем, что ты сделаешь?

С непривычки Вера не сразу сообразила, что обращаются к ней, но потом спохватилась и поспешно, но уверенно ответила:

– Я убью его.

Начальник следотдела, едва дослушав Веру, сообщил:

– Расходимся. Десятая и третий, зайдите ко мне.

И все! Это и была процедура посвящения: никакой присяги, никаких торжественных клятв, никаких атрибутов – только пресное обещание о взаимном убиении. Но Веру интересовал еще один вопрос. Она остановила, коснувшись рукой плеча Второго следователя, который уже собирался уходить. За все время посвящения он не обращал на Веру никакого внимания, как будто не он раскрывал убийство всей ее семьи, не он отвел ее к диггерам, а потом – в спецназ, и не он привел ее в следователи. Вера спросила прямо:

– Скажите, когда я стала считаться одиннадцатым?

– Когда я тебя привел в келью.

– И на Одиннадцатого следователя распространяется сорок девятый параграф о ликвидации, если он не станет справляться или решит отказаться?

– Никто, кроме следователей, не должен обладать теми знаниями, которыми я с тобой делился.

– Но ведь вы говорили, что пути обратно не будет только после посвящения?

– Слова «только» я тебе не говорил. Я тебе сказал правду о том, что передумать после посвящения ты не сможешь. Сообщать Одиннадцатому следователю о том, что он лишается права выбора уже после прихода в келью, не принято.

– И если бы я передумала или не потянула обучение, меня бы ликвидировали? Ты бы ликвидировал? – совершенно спокойно, перейдя на «ты» и глядя прямо в глаза своему наставнику, спросила Вера. Но ни одна черточка на лице этого человека не показала, что он растерян, смущен или о чем-то сожалеет.

– Я уже ответил на твой вопрос. Мне пора...

II. Чистильщики

1

Шестой следователь Республики (абсолютный номер – тридцать семь), капитан Сил Безопасности, называвшаяся когда-то Верой Пруднич, находилась в знакомом для нее кабинете штабного бункера. Здесь она бывала уже дважды, и после каждого такого посещения линия ее жизни закладывала лихие виражи. Последний раз – несколько лет тому, когда обсуждала с командованием план будущей войны с диггерами. Войны, которая так до сих пор и не окончена и поглощает все ресурсы Республики. Большую часть рабочих и ополченцев после первых месяцев войны вернули в поселения, но тех рабочих рук, которые были заняты на саперных работах, очень не хватало для уборки урожая и прочих работ в тылу. Из-за этого многие поселения не выполняли нормы по сбору урожая и отказывались платить налоги. Занятые на войне с диггерами войска образовали в безопасности слабеющей Республики брешь, которой не преминули

воспользоваться бунтари и преступники. Значительно увеличилась статистика бунтов и случаев неповиновения, убийств, краж, разбоев, и из-за этого работы у следователей только добавилось.

В архиве следотдела лежат уже десятки рапортов Веры об успешном расследовании убийств, бунтов, саботажей. Ею казнено или отправлено на каторгу немало преступников: маньяков, воров, изменников, недобросовестных инспекторов и администраторов. Пожалуй, Вера стала одним из самых успешных следователей в истории Муоса, но не благодаря этому она сейчас значилась Шестым следователем. Просто за два года погибло четыре следователя, и такой «естественный отбор» продвинул Веру Пруднич по карьерной лестнице на четыре ступени вверх.

За прошедшие годы спартанская обстановка этого кабинета не изменилась. Даже карта Муоса на весь стол лежала все та же. Вот только края карты заметно поистрепались, да тут и там виднелись пятна от опиравшихся на нее немытых рук и потеки от пролитого чая или чего-то другого, что принято пить в штабном кабинете.

Когда Вера вошла в кабинет, генерал – может быть, и случайно – стал между нею и картой, загородив своим широченным торсом почти весь стол. Но беглого взгляда хватило, чтобы нематериальная копия карты со всеми ее обозначениями зафиксировалась в памяти Веры. Еще несколько мгновений потребовалось Вере, чтобы расшифровать неаккуратные размашистые обводы, значки, крестики и подчеркивания. И все это говорило о том, что конец войне с диггерами придет не скоро, особенно красноречиво вопили об этом множественные вопросительные знаки, некоторые обведенные кружочками, а некоторые перечеркнутые или нервно затушеванные. С холодным безразличием Вера вспомнила слова китайского мудреца о трудностях, ожидающих ловца черной кошки в темной комнате, подразумевая под кошкой диггеров.

Генерал тоже не изменился, вот только почему-то старался не смотреть Вере в глаза. Теперь перед ним стоял не полуголый кандидат в Силы Безопасности и даже не лейтенант спецназа. Он общался с капитаном следотдела, которая при определенных обстоятельствах имела право арестовать его и казнить...

Вере же прятать глаза было незачем, и она с профессиональным интересом наблюдала за генералом, пытаясь отгадать, что же могло так тревожить одного из самых могущественных людей в Муосе. Дайнеко, отмучив череду ничего не

значащих формальных фраз, кивнул начсоту, стоявшему рядом с Верой, после чего отвернулся к карте, делая вид, что он не так уж обеспокоен поводом, по которому вызвал Веру и ее командира.

Еще по пути в бункер Вера гадала, знает ли начсот о цели вызова в Штаб. До этого он всегда сам получал задания и сообщал о них подчиненным следователям. Поэтому Вера резонно предполагала, что очередное задание имеет какую-то чрезвычайную государственную важность. Но то, что она услышала, привело ее в замешательство.

– Шестой следователь, насколько я знаю, вы в достаточной мере владеете историей Муоса? – начал начсот.

Вера промолчала.

– Шестой следователь, вы помните, что Республика образовалась в результате Великой Революции, объединившей Америку, Центр, Партизан, Нейтральную и часть дальних поселений, а также отвоеванные у ленточников территории. Но помните ли вы, что явилось началом Великой Революции?

– Начсот, восстание одного из поселений Америки, распространившееся на весь этот клан.

– Шестой следователь, а что явилось поводом к восстанию?

– Начсот, убийство Президента Америки одним из пришлых, которого называли Дехтером.

– Шестой следователь, теперь я скажу, почему он был убит. По обнародованной версии, Дехтер просто возжелал освободить жителей Америки от диктатуры и ценой своей жизни даровал им свободу. Для обывателей – вполне приемлемая легенда. Но если бы вы как следователь решили проанализировать эти события, натолкнулись бы на ряд вопросов, ставящих рядом с официальным объяснением большой вопросительный знак. Дехтер находился в Америке всего два дня, взаимоотношения тогдашних кланов ему были малопонятны, и цель его экспедиции была совсем другая. Его действия можно было бы объяснить попыткой вырваться из плена, но все говорило об обратном. Материалы расследования (а к этому происшествию привлекли следователей тогдашнего

Центра) говорили о том, что он в последние секунды жизни уничтожал какой-то прибор. Исследования специалистов подтвердили, что этим прибором являлся компьютер (надеюсь, ты слышала об этих устройствах), дистанционно связанный с каким-то механизмом. Именно о наличии данного механизма Президент сообщил Дехтеру, быть может, пытаясь склонить к сотрудничеству, и именно это стало поводом для решительных действий последнего. После этого следователи стали искать то, с чем был связан уничтоженный Дехтером прибор. Я опущу подробности о том, кого из американцев, выживших после Революции и Последнего Боя, допрашивали и пытали... Мы нашли то, что искали, но это уже не моя тема...

Начсот, закончив свой монотонный доклад, сложил руки в замок за спиной и с безразличием уставился в пол. Генерал Дайнеко снова взял на себя неприятную роль докладчика:

– Это был заряд, спрятанный Президентом на станции Октябрьская. Атомная бомба, привезенная им с военной базы, на которой американцы дислоцировались до начала экспансии в Муос. Ты, капитан, понимаешь, что такое атомная бомба? Стоит ли объяснять, что обнаружение и изъятие заряда было засекречено. Очень немногие узнали о его существовании, я имею в виду – немногие из тех, кто еще жив.

Дайнеко многозначительно посмотрел на Веру, сделав ударение на последней фразе. С недовольством отметив для себя, что его угроза-предупреждение на Веру не произвела никакого впечатления, генерал дал слово четвертому человеку, находившемуся в кабинете. Дайнеко сухо представил его как члена Ученого совета, но Вера помнила этого ученого еще по Университету. Старый физик Варнас, похоже, косил под Эйнштейна: такие же длинноватые редкие волосы, зачесанные назад, и пышные усы. Только все это у него было ярко-рыжего цвета, отчего сходство с кумиром было весьма отдаленным, да и бесполезным, потому что мало кто из живущих в Муосе знал, кто такой Эйнштейн, а еще меньше видели его фото. И все-таки Вера входила в это меньшинство.

Было слово «Варнас» именем, фамилией, кличкой или псевдонимом – никто не знал, потому что ученый от студентов требовал, чтобы его называли не иначе как Член Ученого совета. Высокомерие профессора объяснялось той отраслью науки, которой он занимался: электрофизика и энергетика являлись в Муосе полусекретными, почти сакральными знаниями, в которые посвящались

немногие. По большому счету даже обычные электрики стали замкнутым профессиональным кланом, на который полудикие поселенцы смотрели как на полубогов, способных творить чудеса в виде загорания лампочек и приведение в движение электрических механизмов. Ядро этого клана составляли работники геотермальной электростанции, местонахождение которой было совершенно секретной информацией. И на верхушке этой иерархии гордо стоял профессор Варнас, курировавший в Ученом совете энергетические вопросы и по статусу имевший право открывать ногой дверь в любом кабинете Инспектората.

Однако теперь Варнаса было трудно узнать. Военные – пожалуй, единственная каста, которую он все-таки побаивался. И как раз перед ними ему предстояло не выступать в качестве всеведущего научного докладчика, а отчитываться о чудовищном происшествии, косвенным виновником которого он был. Дрожащим голосом он поведал, обращаясь почему-то только к Вере:

– Капитан, мне сообщили, что вы достаточно образованы, несмотря... э-э-э... на тот род деятельности, которым занимаетесь. Так вот, я надеюсь, вы в общих чертах представляете, что могло бы случиться, если, скажем, этот Славински привел бы в действие заряд... Собственно, в таком случае можно говорить о конце существования мира под названием Муос. Но слава Богу, этого не случилось и заряд был извлечен с Октябрьской и перемещен в... э-э-э... один из научных бункеров. Не удивляйтесь этому. Исследование взрывного устройства – это отнюдь не праздный научный интерес. Мы исследовали возможность использования заряда в энергетических целях... Вы даже не представляете, какая энергия скрыта в том ящике. Будь наши исследования удачны, мы могли бы вести речь об открытии второй электростанции, по мощности не уступающей геотермальной, которая была бы работоспособной в течение нескольких десятилетий... Но так бывает в науке: мы убедились, что пока наши возможности слишком скромны, чтобы осуществить такой крупномасштабный проект. Работы по исследованию заряда недавно были свернуты, и, чтобы освободить лабораторию от такого опасного груза, было решено переместить заряд на неопределенный срок в один из глубоких заброшенных неиспользуемых бункеров за пределами населенной части Муоса... Но за день до назначенной даты прихода военных с целью сопровождения обоза на бункер напали, весь персонал и охрана были уничтожены, а заряд пропал... Вот, собственно, и все.

– Нет, не все, – рявкнул генерал. – Вы забыли упомянуть о том, кого мы не нашли среди трупов. Полковник, напомните профессору.

Без особого энтузиазма начсот сообщил:

– На начальной стадии к расследованию подключился Первый следователь. Учитывая, что среди убитых сотрудников лаборатории не был найден только труп начальника лаборатории Якубовича, в качестве основной отработывалась версия о его соучастии в нападении. В пользу этого свидетельствовал тот факт, что обе двери лаборатории были не взломаны, а именно открыты изнутри. Он же был единственным, кому сообщалась дата прихода конвоя для отправки груза – остальной персонал этого не знал. Но самое важное теперь не это. Важно то, что нападение совершили чистильщики. Причем в захвате участвовало очень много людей, я думаю, что для этого объединились все или почти все разрозненные группы чистильщиков. Несмотря на то, что дверь была открыта изнутри, данные осмотра свидетельствуют об отчаянном сопротивлении охраны и персонала лаборатории. Трупы своих чистильщики унесли с места боя, однако нам удалось найти место их захоронения. В результате эксгумации достоверно установлено, что это были именно чистильщики: на это указывают давние термические клейма в лобной области каждого из них. Кроме того, две научные сотрудницы, очевидно, не участвовавшие в сопротивлении и поэтому взятые в плен, стали жертвами ритуального убийства – их трупы найдены в лаборатории. Это пока вся информация...

Сообщение о чистильщиках, о которых Вера почти не слышала с тех самых пор, как осталась сиротой, всколыхнуло запрятанную где-то глубоко внутри нее память о страшном зле, зле не абстрактном, не внешнем, а непосредственно коснувшемся ее, унесшем тех, кто был частью ее. Чистильщики начинали казаться уже чем-то нереальным, чуть ли не результатом неправильного и преувеличенного восприятия детской психикой каких-то обыденных событий, повлекших за собой гибель или естественную смерть ее семьи. Но нет, все было так, как ей помнится. И это зло никуда не делось, оно жило совсем рядом, на окраине Муоса, просто до поры оно не вставало на ее пути. Потревоженная память готова была взорваться беспорядочной круговертью тяжелых болезненных воспоминаний и трансформироваться в приступ ярости и гнева. Этого Вера не могла допустить в столь важный момент: она получала задание, а значит, должна была трезво мыслить и все четко запоминать. Тем более, по поведению присутствовавших она чувствовала, что должна получить об этом задании больше информации, чем ей готовы сообщить, а это потребует максимального напряжения интеллекта. Усилием воли она погасила в себе так и не успевшую захлестнуть сознание волну эмоций.

– Зачем им бомба? – задала Вера вопрос, ответ на который знала и сама.

– Бомба им нужна, – невозмутимо ответил Верин начальник, – чтобы враз решить то, чем они занимаются и собирались заниматься долгие годы – уничтожить все население Муоса. Тогда их маниакальный план будет претворен в жизнь.

– Но ведь вы говорили, что прибор, с помощью которого бомба приводилась в действие, был уничтожен. Разве бомба и после этого опасна?

– В том-то и дело, – ответил ученый, – что помимо дистанционной схемы приведения в действие заряда существует еще и локальная схема. Правда, мы позаботились о безопасности, изъяв из схемы одну важную деталь, без которой взрыв невозможен...

– Зато тот человек, который знает о существовании и принципе действия этой детали, теперь подался в чистильщики, и я думаю, целыми днями только тем и занимается, чтобы создать ее аналог, – прогремел генерал.

– Вы имеете в виду упомянутого начальника лаборатории Якубовича? И сколько ему потребуется времени, чтобы эту деталь собрать? – спросила Вера у Варнаса.

– Ну-у-у... в отсутствие лабораторных возможностей... я не думаю... – начал жалобно Варнас, но был резко прерван громоподобным криком Дайнеко:

– Короче, профессор, называй минимальный срок, за который твой гениальный маньяк может собрать эту чертову деталь. Ты, мать твою, понимаешь, что будет, если твои благоприятные прогнозы окажутся ошибочными, и мы окажемся слишком нерасторопными? Я тебе обещаю: еще до того, как накроется весь Муос, я твою старую умную жопу лично вытащу на Поверхность, где ты вспомнишь, как это тебе удалось назначить сектанта начальником самой опасной лаборатории в Муосе!

Начсот слегка поморщился от самоуверенности генерала, грозившего казнью, которую в исполнение имели право приводить только следователи. Но крик командующего окончательно сломал Варнаса, выветрив из него всякое желание выскользнуть невредимым из этой ситуации. Он как-то обмяк и отрешенно проямлил:

– Якубовичу не составит труда замкнуть цепь на заряде за две-три недели...
Скорее две, чем три...

– Пшел вон, – просипел генерал. – Жди, пока тебя не позовут.

Профессор на ватных ногах, спотыкаясь, вышел из кабинета. Дайнеко старался не смотреть на Веру, и это было странно.

– Итак, капитан. Впервые в истории Муоса следователь за заданием приходит в этот кабинет. И впервые следователю дается такое задание, которое получишь ты. Отказаться ты не можешь, но я хотел бы, чтобы ты не просто исполняла приказ, а понимала цену вопроса...

– Я, генерал, поняла цену вопроса, можете пропустить вступление и переходить к делу, – Вера опять могла позволить себе дерзость, на которую генерал не только не ответил, но даже был ей рад.

– Вы уже слышали, что атомный заряд в руках клана чистильщиков. Примерное их нахождение нам известно, но начать военную операцию против них в данной ситуации сродни самоубийству. Во-первых, сейчас идет война с диггерами, которая и так отвлекает много наших сил и средств. Во-вторых, при первой же стычке с чистильщиками они поймут, с чем связаны наши действия, и, конечно же, постараются спрятать или защитить свое главное оружие – это в лучшем случае. А в худшем, и это в-третьих, наш дорогой профессор может врать или заблуждаться, и заряд на самом деле сейчас находится в боеспособном состоянии. Может быть, чистильщики ждут удобного момента или ищут, где разместить уже взведенный заряд, чтобы причинить максимальный урон. В таком случае они могут привести его в действие в любой момент. Короче говоря, войны с чистильщиками мы начинать не будем. Единственный приемлемый вариант – это внедрение своего человека в клан чистильщиков... И этот человек – вы, капитан...

Генерал сделал паузу в ожидании вопроса, но Вера стояла молча и невозмутимо смотрела генералу в глаза. Заговорила Жанна – человек, которого Вера здесь хотела бы видеть меньше всего. До сих пор инспектор-психолог сидела молча, но Вера чувствовала сканирующий взгляд своей бывшей наставницы. Жанна предпочла обращение на «вы»:

– Вы, Пруднич, спросите, почему выбор пал именно на вас. Не скрою, что в подборе кандидата участвовала психологическая служба, и мы вместе с военными пришли к однозначному выводу о том, что наибольшие шансы справиться с этим заданием именно у вас. На то несколько причин. Вы – женщина, единственная женщина в Силах Безопасности Республики. А значит, опасность того, что на вас падет подозрение, минимальна. Во-вторых, вы среди военных – одна из самых образованных, и если учить кого-то обезвреживать бомбу, то лучше это делать с вами. Ну, и третье... Учение чистильщиков в нашем не приветливом мире становится все популярнее... и мы не можем допустить даже минимальной возможности того, что агент по каким-либо причинам может поддаться этому соблазнительному безумию. Наибольший иммунитет к чистильщикам именно у вас – я имею в виду то, что вам пришлось пережить в детстве...

Вере не понравилось, что кто-то пытается спекулировать на ее детской трагедии, поэтому она поспешила прервать Жанну:

– Я бы хотела обсудить детали. Не могу пока понять, какую легенду вы собираетесь мне придумать. Моя принадлежность к женскому полу не прячет тот факт, что я являюсь следователем. Вы предлагаете положиться на случай – на то, что никто из чистильщиков меня не встречал? Или же мне надо настолько ярко играть роль нового адепта, чтоб они не обратили внимания на мою профессию?

Вера могла поспорить, что Жанна уловила нежелание Веры говорить о своем прошлом и сделала по этому поводу какую-то пометку в своей голове. Но то, что ответила ей инспектор-психолог, на некоторое время поколебало невозмутимость Шестого следователя:

– Вам, Пруднич, сделают операцию по изменению внешности. Плюс к этому побреют налысо. Надеюсь, вас после этого не узнает даже ДРУГ.

Генерал уставился в карту, Верин начальник так и не выполз из своей отрешенной нирваны, в которую нырнул сразу после окончания доклада. Им обоим было явно не по душе этот план. Зато Жанна почти не скрывала своего удовольствия – улыбаясь одной из своих самых милых улыбок, она пристально смотрела на Веру, ожидая, что же та ответит. Одной частью своего сознания Вера по-быстрому наводила порядок в мыслях, удачно разбросанных сообщением Жанны. Второй поток мышления перемалывал то, что сказала

психолог. Особенно не понравилась Вере последняя фраза Жанны. Фраза могла быть абстрактной, подразумевающей под «другом» кого угодно. Но Верина оппонентка сделала ударение именно на последнем слове, как будто имела в виду кого-то конкретного. Конечно, Жанна могла наводить о ней справки и знать об их встречах с Вячеславом. Могла расценить это как увлечение и даже ошибочно предполагать интимную близость между ними (чего так и не случилось). Но все это не давало никакого повода считать, что Вячеслав по-прежнему что-то значит для Веры, тем более, она добровольно ушла в следователи, тем самым перечеркнув возможность быть когда-то с ним рядом. И все же Жанна знает или, во всяком случае, догадывается о том, что запрятано у Веры глубоко и далеко. Неужели все-таки она тогда под гипнозом добралась до этих недр в Верином сознании? И теперь неслучайно делает акцент именно на этом... Если так, то в их психологической дуэли Жанна провела убойный прием. Вера знала, что она далеко не красавица, и относилась к этому более чем равнодушно. Часто наблюдая «успехи» хирургов по зашиванию увечий от ранений на лицах бойцов, она была уверена, что такая операция не добавит ей привлекательности, – и это само по себе ее тоже не страшило. Пугало то, что она станет другой, не такой, какой ее запомнил он...

Пока Вера все обдумывала, Жанна даже не моргала, не скрывая интереса к ее реакции. Смакуя момент, она наигранно успокаивала Веру:

– Да вы не огорчайтесь. Какие-то черты от прежней Пруднич все-таки останутся... когда сойдут рубцы... Может быть, через год-два... Или, может быть, у вас есть возражения? Говорите, не стесняйтесь...

Вера слышала отданный приказ, отказаться от выполнения которого она не могла. Хватаясь за соломинку, она лишь попыталась отодвинуть неминуемое:

– Но у нас ведь нет времени. Пока все заживет после операции...

– А никто и не собирается ждать, пока заживет, – поспешила «успокоить» Жанна. – Зачем ждать? По легенде – у вас травма лица и вы сбегаете из Госпиталя. Так ведь даже лучше – с распухшим лицом, не сошедшими швами вас будет еще труднее узнать...

Вера не хотела больше ни видеть, ни слышать Жанну. Она демонстративно от нее отвернулась, сделала шаг к неподвижно сидящим генералу и начсоте. Но

зная теперь себе цену, она рискнула на предъявление ультиматума:

– У меня есть одно условие.

Начсот наконец-то поднял на нее глаза, а генерал даже привстал, выражая готовность выполнить все, что бы она ни потребовала:

– Говорите, капитан.

– Операция по изменению внешности будет проводиться с участием врача Джессики из Резервации. И она на этой операции будет главной. Она когда-то спасла мне жизнь...

2

Вода чавкала под ногами. Вернее, не вода, а мутная жижа, кишущая пиявками. Несколько этих слепых тварей прицепились к босым ногам Веры. Наверное, они уже сосали кровь, и наверное, это было больно. Вера этого не ощущала, потому что, насколько могла, отключилась от своего тела, иначе всю ее волю парализовала бы боль раскромсанного скальпелем и зашитого хирургическими нитками лица. Саднило тело и руки, над которыми также изрядно «поработали», чтобы оставить на ней следы аварии, которой не было. Операция длилась долго – все-таки пластическая хирургия была новшеством для эскулапов Муоса, а Джессика поставила перед собой задачу сделать новое лицо если не симпатичным, то хотя бы не уродливым. На третий день Джессика, несмотря на возражения военных, настояла на второй операции, которая прошла ненамного быстрее. За это время Вера слишком привыкла к опию, а это к прочим негативным факторам добавило нешуточную абстиненцию. Все вкупе мешало сосредоточиться, сконцентрироваться на выполнении задач, и Вера до сих пор балансировала на грани яви и забытья. Приближался тот условленный день, когда, по прогнозам профессора Варнаса, экс-начальник секретной лаборатории Якубович должен был создать недостающую деталь к ядерному заряду. Военные нервничали и поэтому подняли Веру, еще не отошедшую от наркоза, с госпитальной койки и чуть ли не пинками вытолкали выполнять задание.

Но все физические мучения не шли ни в какое сравнение с тошнотворным ощущением чужого лица. Послеоперационная отечность не прошла, и из-за

порезов и стягивающих швов казалось, что на плечах Вера несет не свою голову, а тяжелый пульсирующий бидон из боли и сочащейся крови. Вспоминались слова Джессики, доносившиеся сквозь бледно-розовый туман послеоперационного забытья:

– Все будет о'кей. Не бойся, ты не быть уродина. Сейчас, конечно, немножко уродинка, но потом пройдет. А главное, глаза – глаза мы оперэйт не умеем. Глаза остались твои. По глазам он тебя все равно узнает.

«Какая глупая Джессика. Ну при чем тут глаза, при чем тут он...» – пыталась себя настроить на такие мысли Вера, подсознательно все-таки надеясь, что Джессика что-нибудь расскажет про Вячеслава, потому что сама она о нем спрашивать не будет, даже когда сможет говорить. Но Джессика болтала про Лидию, про Танюшу, про свою Резервацию, в которой она всю занялась лечением больных, которых годами никто не лечил, про какой-то лично ею изобретаемый антибиотик. Но про Вячеслава она молчала, а это значило только то, что мавританка ничего о нем не знает.

Вера почувствовала засаду издалека. Они прятались за изгибом хода, который здесь подымался в гору, отчего там, где они притаились, было сухо. Это было удобное место для засады – идущий оттуда, откуда шла Вера, в любом случае вынужден был хлюпать по лужам, выдавая свое присутствие. Кроме того, как будто случайно, здесь под сводом хода висела парочка светящихся грибов, слабым неоновым освещая проход метров на десять в ту и другую сторону. Оставаясь в крошечной тьме, невидимые наблюдатели могли вести прицельную стрельбу из арбалетов по приближающемуся чужаку. Вера внутренне напряглась и усилием воли попыталась оттеснить боль на задворки своего сознания. Но желанного просветления не наступило – слишком она была ослаблена операциями и блужданием по этим незнакомым грязным и холодным подземельям последние два дня. Нет, вести бой она сейчас не в силах. Остается играть, что она и сделала, как только послышался шорох. Чувствовала она себя, конечно, отвратно, но не настолько, как сейчас это изображала: прислонилась к стене, едва не падая, сильно задышала, оттолкнулась от стены, ступила еще несколько шагов, вновь прикинула к стене, сползла по ней, сев прямо в ледяную вонючую воду, и так и осталась сидеть, не доходя пары метров до светящихся грибов – далеко от засады, но так, чтобы они могли видеть, что она ранена и безоружна. Сыграла она, похоже, неплохо – стражи постояли, потом один из них крикнул:

– Эй ты, подыми руки и иди сюда.

Вера, конечно, не отозвалась. Еще пару раз что-то прокричав, постовые появились из-за изгиба туннеля, на всякий случай держа Веру в прицелах своих арбалетов.

– Помер? – спросил сипловатый женский голос.

– Дура, мертвые не дышат, – ответил ей мужчина, который осторожно стал приближаться к Вере, нехотя сделав несколько шагов по грязи. – Кто ж ему рожу так разнес... Слышишь, это... – он хлопнул Веру по груди, – это баба. От те на... Кто ж ее так?

– Ну так тащи ее сюда, здесь рассмотрим.

Мужчина закинул арбалет за спину, схватил Веру за руки и потащил на сухой пригорок, где бесцеремонно бросил ее на пол. Вера ударилась головой о цемент – вспышка боли чуть не разорвала голову на части. Вера застонала.

– Живая, но скоро помрет, – сообщил мужик, впечатлившись тем, что осталось от Вериного лица. – Давай-ка ее положим мордой в воду, чтоб не мучилась, да помолимся об упокоении ее души. Куды ж ее тащить такую...

– Нет, она – бедолага. А отче Мелхиседек говорил: сирых и убогих принимать и обращать, ибо из таковых ангел смерти набирает себе воинство для Последней Чистки. Меня помнишь, какой я была?

– Ну-ну, – недовольно пробурчал мужчина в ответ, – начистили вы, сирые и убогие. Тащить же ее мне – не сирому и не убогому, ибо ты из-за своей сирости поднять ее не сможешь.

Сильные руки схватили Веру и забросили на плечо, голова снова ударилась, теперь уже о костлявую спину мужчины, и у Веры вырвался очередной стон. От прихлынувшей к голове крови боль только усилилась, а мужик, как будто специально, шел какой-то пружинящей походкой.

Вера не спешила демонстрировать, что она в сознании. Не особо церемонясь, ее бросили на голый пол в провонявшем мочой сыром углу. Рядом с ней лежал и стонал мужчина средних лет. Иногда он тихо бредил, зовя кого-то по имени. Выше пояса мужчина был обмотан грязной ветхой тряпкой, на которой проступала кровь. Тряпку давно никто не менял, на что указывал смрад гниющей крови.

Несколько грибов-светильников, подвешенных в разных местах под потолком довольно большого помещения, отбрасывали зловещий свет на его обитателей. Сейчас здесь находилось человек десять. Кто-то в противоположном углу лежал на полу, завернувшись в серое ворсистое тряпье, очевидно, бывшее когда-то ватным одеялом. Трое подростков сидели, прислонившись к стене и тупо, почти не моргая, уставившись на взрослых, расположившихся в центре этого дикого поселения. Здесь было холодно и очень сыро. Вряд ли это был бункер или другое изначально приспособленное для проживания людей помещение. Скорее всего, какой-то подвал, наверняка расположенный слишком близко к Поверхности, а значит, со слишком большим уровнем радиации.

К Вере несколько раз подходила та девушка, которая не разрешила своему напарнику утопить Веру. Она с вялой заботой зачем-то трогала Веру за руку, не то нащупывая пульс, не то проверяя, не остыла ли пленница. Это раздражало ее напарника:

– Да что ты ее, Саломея, все щупаешь? Очухается – сама даст знать, а завоняет – выкинем. Одним хананеем меньше.

– Хватит уже, Ахаз, по одному хананеев считать. Скоро уж свершится Великое Очищение, недолго ждать осталось, – вмешался второй мужской голос.

– Не великое это очищение, а только маленькая чистка, Ирод. Ну, не станет Муоса, а сколько таких Муосов еще есть? Это не верный шаг. Верный шаг – искать пути в Москву и в другие поселения хананеев, чтобы начинать чистку там. А уходя, закончить миссию здесь.

– Опять ты за свое, Ахаз! Опять за свое! Нового раскола среди чистильщиков возжелал, да? Великим мессией себя почувствовал? Или на место Мелхиседека метишь? А забыл заветы Мелхиседека? Он ставил задачу завершить дело Великого Очищения в Муосе и про другие места ничего не говорил, кроме того,

что Господь и там назначил ангелоподобных. Может, в тех местах чистильщики давно завершили свое дело, а задержка только за нами?

– Ирод, послушай, что Ахаз тебе говорит, – Саломея вступила в спор, который разгорался здесь явно не в первый раз. – Ахаз не меньше тебя Великого Очищения ждет. И мы все здесь этого ждем, иначе мы не стали бы чистильщиками. Ты вспоминаешь заветы Мелхиседека? Так почему ты не вспомнишь о том, что Судный День наступит только тогда, когда будут уничтожены все хананеи, а потом убьет себя последний во Вселенной чистильщик. Заметь, не в Муосе – во Вселенной! Или ты забыл, кем был, вернее, кто есть Мелхиседек? Он воплощение Гавриила – верховного ангела смерти! А Гавриил – один. И воплощение у него одно – Мелхиседек! А значит, нигде других Мелхиседеков нет. Это наше дело, идти туда и вершить Великое Очищение. А почему ты не вспомнишь слова Мелхиседека о том, что Господь дал нам разум, которым надо пользоваться для дела Великого Очищения? Он не запрещал нам думать, Ахаз. Он дал завет нам думать! Он дал пример нам думать! Вспомни, как он планировал чистки и не давал нам вступать в прямые бои с Республикой, говоря, что мы пока что очень слабы, хотя такие, как ты, давно рвались штурмовать Улей. Мелхиседек думал, а не слепо полагался на Господню волю. Вот и Ахаз думает. И думает он о том, что сказать на Великом Суде, если он послушает тебя, завершит чистку в Муосе, так и не послав никого в другие хананейские убежища.

– И как же вы собираетесь идти туда? И куда, собственно, идти собираетесь? Ждать этот летучий велосипед, на котором нечестивцы из Москвы прилетели? Так что-то давно он не появлялся. А может, пешком туда потопаете? Только мне видится, что если не твари, то радиация точно вас почистит. Хотя польза в этом тоже, конечно, есть – несколькими хананеями станет меньше...

Саломея, чуть не плача, молила:

– Ахаз, уговори Соломона не делать Великое Очищение сейчас. Тебя он послушает. Надо просто подождать – и Господь подскажет нам правильный путь. Ахаз, ну что ты молчишь? Скажи ему про свой план с передатчиком.

– Ирод, мы тут думали... – неуверенно начал Ахаз. – Помнишь эту историю про собранный Присланным передатчик?

– И вы верите в эти хананейские байки?

– Это не байки, Ирод, – раздраженно прервал собеседника Ахаз. – Валаам, когда еще у нас жил, говорил, что передатчик существует, только вожди хананеев прячут его от народа. Так вот, охрана там, говорил Валаам, так себе. А значит, мы совершаем нападение и уносим передатчик. Связываемся с хананеями из Москвы, рассказываем им какую-нибудь слезную историю типа той, которую когда-то сочинили ленточники, и они прилетают к нам. Ведь повелись когда-то, так почему бы им этого не сделать еще разок? Тех, кто прилетит, предадим Всевышнему. А кто-то из них возжелает быть чистильщиком – они-то и станут нашими проводниками в тот мир. Садимся в эту их машину и летим в Москву. Кто-то, конечно, останется здесь – всем ведь все равно не улететь, вот оставшиеся и свершат Великое Очищение в Муосе.

– Интересно-интересно, – с ехидцей отвечал Ирод. – И кто же входит в число улетающих? Наверняка ты с Саломеей?

– Не только... Конечно же, ты, если пожелаешь, Соломон, Мелхиседек, остальные ангелоподобные, ну, и все молодые, здоровые и сильные – те, кто сможет вершить в Москве волю Господню и продолжить дело Великого Очищения. А остальные завершат наше дело здесь... – Ирод говорил это приглушенным голосом, почти шепотом, видимо, боясь, чтобы не услышали другие из числа тех, кто лежал и сидел поодаль или слонялся по этому помещению – те, кого даже с натяжкой нельзя было назвать молодыми и сильными. – И что ты так смотришь на меня, Ирод? Если чистильщики есть и в Москве и успешно вершат там свое дело, мы это, конечно же, узнаем из общения с Москвой. Если это так, значит, ты прав, и я соглашусь с тобой и, возблагодарив Господа, все сделаю, чтобы Великое Очищение свершилось...

– Ах, как ты красиво стелешь. Научили тебя хананеи языком умно щелкать. А все очень просто: ты ссышь! И Саломея твоя ссыт! Вы свои жопы невредимыми сохранить хотите, перенести их из одной клоаки дьявола в другую. Вы снаружи только чистильщики, а внутри все те же хананеи. И я давно за вами присматриваю. Ты очень сильно поменялся, Ахаз, когда Саломея появилась в твоём приходе. Дело Великого Очищения для тебя ничего не значит. Ты охладел в вере! Я уже почти не сомневаюсь, что ты бы с радостью сбежал с Саломеей к хананеям, если бы тебя там не ждало усекновение головы за те дела, которые ты творил ранее. Ну что ж, то, что я хотел узнать, я узнал. Так знай, Ахаз: Валаам закончил свою работу, мы идем делать Великое Очищение, но идем туда

без вас. Никто из твоего прихода мне там не нужен. Ты мог стать ангелоподобным, но сам лишил себя этой чести. Моли Господа, чтобы Он простил тебе твое предательство. Прощай.

Ирод тяжело встал, завязал на поясе веревку с вложенным в ножны мечом, неуклюже закинул за спину арбалет и не спеша пошел на выход, бесцеремонно переступив через кого-то спящего. Голосом, в котором смешались раздражение и страх, Ахаз кричал вслед:

– Ирод, подожди! Ты нас не так понял. Ты же не забыл, что я тоже ходил в бункер. Хананейский охранник мне чуть башку не снес, а мой брат... вот он, мой брат, корчится и подыхает. Ирод, неужели все это было зря?

Но Ирод уже давно вышел из помещения, и его шаги были едва слышны.

– Ну что ты сидишь? – капризно взвизгнула Саломея. – Что ты сидишь? Иди за ним, делай, что надо...

Ахаз встал, нехотя, как бы перебарывая себя, сделал несколько шагов к выходу. Но, подняв стоявший у стены арбалет, он обрел уверенность и уже решительно и быстро выскочил из помещения.

Вера, симулируя кому, сумела кое-как отдохнуть и сконцентрироваться. Несмотря на то, что чистильщики общались на понятном им псевдорелигиозном сленге, Вера, в общем-то, смогла получить кое-какую важную информацию. Валаам – это, конечно же, не кто иной, как беглый начальник лаборатории Якубович. Якубович закончил свою работу по созданию недостающей детали, и чистильщики намереваются приводить в действие заряд. А значит, времени осталось в обрез – и это очень плохо. Дает надежду лишь то, что не все чистильщики хотят столь быстрого «Великого Очищения», и это надо как-то использовать. Зачем Ахаз побежал догонять Ирода, Вера догадалась и была более чем уверена, что последний до Великого Очищения не доживет и даже не увидит больше многоуважаемого Соломона, а равно и прочих ангелоподобных. «В любом случае – пора оживать», – подумала Вера, а вслух жалобно простонала:

– Пить!

– Очухалась, – без радости произнесла Саломея. Она нервничала, посматривая на выход. Но все же схватила банку с водой и стала лить из нее на Верины губы. Вера хватанула полглотка, – вода была несвежей на вкус и запах, – открыла глаза и с предельной наивностью спросила:

– Где я?

– Заткнись уже... – гаркнула Саломея, начав грызть ногти.

Но вот вошел Ахаз, кивнул Саломее. Несколько пар глаз наблюдали ссору и уход Ирода, а потом уход и возвращение Ахаза. Конечно же, они поняли, что произошло, но отнеслись к этому с абсолютным равнодушием. В этой сырой, грязной, вонючей конуре, захламленной мусором и заселенной человекообразными, каждый из которых давно переступил последнюю черту, апатия и мрачная безысходность повисли в провонявшем мочой и испражнениями тяжелом воздухе. Несколько людей-теней поднялись и вышли; Вера подумала, что они уходят избавляться от трупа.

Настроение у Саломеи после возвращения Ахаза заметно улучшилось. Она нагнулась к Вере и с выражением не то жалости, не то отвращения к ее теперешней внешности спросила:

– Как ты?

– Где я? – повторила Вера.

– Ты, подруга, в двух шагах от Царства Божия. И у тебя есть прекрасный шанс сделать эти два шага. Говорить можешь? Расскажи нам, кто такая будешь сама и что, собственно, случилось с твоей рожей?

Вера начала излагать свою легенду, намеренно делая долгие и частые паузы с одышкой и закатыванием глаз. О том, что она дочь главы независимого поселения Серово, которое отказалось добровольно войти в состав Республики. Армия Республики осадила это небольшое поселение с населением в полтора десятка человек, забаррикадировавшихся внутри старого бункера. Когда несколько месяцев осады не сломили голодающих серовцев, были вызваны инженеры и рабочие, принявшиеся за проламывание и разборку железобетонной стены. Однако действие стенобитных орудий и отбойных молотков нарушило и

без того ослабевшую за десятилетия конструкцию. Произошел обвал, который погреб под собой всех жителей селения и некоторых строителей-республиканцев. Она чудом выжила, однако надломанный край многотонной плиты перекрытия раскромсал ей лицо. Республиканцы были заинтересованы в том, чтобы кто-то из бунтарей выжил и смог им сообщить о местах нахождения когда-то принадлежавших Серово плантаций на Поверхности, их схронах в подземельях, а также о коммуникациях в этой малоизведанной части Муоса. Поэтому ее доставили в Госпиталь, где кое-как зашили лицо. Охрану не выставили, так как не рассчитывали, что она уже через сутки после операции придет в себя и сможет сбежать из Госпиталя. А она, конечно же, сбежала, потому что лучше смерть, чем жизнь в ненавистной Республике. А вообще, ей не хочется жить, и она наложила бы на себя руки, да только хочется отомстить и за погибших в Серово родителей, сестру и любимого, и за свое когда-то бывшее красивым лицо.

Часть Вериной легенды была правдой. Действительно, не так давно во время военно-инженерных работ по захвату поселения Серово на южной окраине Муоса произошел обвал. Но если под обломками и остались выжившие, они уже умерли, так как никто их откапывать не собирался. Вторая часть рассказа была не столь правдоподобной, зато исполосованное швами ужасное месиво на месте Вериного лица не давало никакого повода думать, что эта девушка может быть специально подослана в приход чистильщиков. А образ несчастной и отчаявшейся, продуманный психологами, был наиболее удачным для потенциального неофита клана чистильщиков.

– Не отчаивайся, бедняжка, – почти ласково сказала Саломея. – Господь привел тебя туда, куда тебе нужно, к таким же несчастным, как ты сама.

3

За несколько дней в приходе чистильщиков Вера окончательно пришла в себя. Отечность с лица сошла, швы не гноились и почти не кровоточили. Зеркал чистильщики не держали, но по личным ощущениям и по тому, что члены прихода Ахаза (приходами чистильщики называли вот такие небольшие группы) смотрят на нее без прежнего брезгливого отвращения, Вера догадывалась о том, что и выглядеть она стала лучше. Не зная точно, какова в этом заслуга Джессики, Вера все же мысленно благодарила только ее.

Кормили Веру очень плохо: какие-то корни, распаренные побеги подземных растений, да одна полугнилая картофелина в день. Впрочем, в первый же день Вере предложили и другую пищу. Не прошло и часа после возвращения Ахаза, как те трое, которых Вера посчитала за похоронную команду для Ирода, вернулись. Они принесли большой тряпичный сверток, в котором Вера узнала куртку Ирода, наполненную чем-то. Очевидно, неокрепшие нервы кандидатов в свой клан чистильщики берегли, поэтому сверток развернули в противоположном от Веры углу. Там же начали разводить небольшой костер, но кое-кто из прихожан не стал дожидаться приготовлений. Они нетерпеливо хватали то, что было в свертке, и жадно рвали это зубами. Верины догадки подтвердились, когда Ахаз рыкнул на своих невыдержанных подопечных и выхватил у одного из подростков то, в чем Вера узнала обрубленную по локоть человеческую руку. А чуть позже Саломея поднесла Вере кусок зажаренной на открытом огне печени. Вера отказалась, на что Саломея лишь улыбнулась с пониманием, как будто хотела сказать: «Ничего-ничего, придет время – сама просить будешь». Но из-за отказа от человечины дневной рацион Вере никто увеличивать не собирался, поэтому она на большую часть времени по старой диггерской методе отключала свое тело, настойчиво требовавшее калорий для поддержания жизни. Зато недостатка в религиозных лекциях и вдохновенных беседах Вера не имела. Больше всех старалась сделать из нее примерную чистильщицу Саломея.

Психологическая служба Инспектората обладала на удивление большим объемом информации о клане чистильщиков: об их примерной численности, количестве групп, ареале обитания, об их взглядах и целях и даже о предполагаемом каннибализме «среди наиболее опустившихся групп». Чистильщики ставили перед собой цель уничтожить все население Муоса, включая самих себя, так как считали, что именно задержка в вымирании человечества мешает Всевышнему свершить суд и создать новую землю и новое небо. Чистильщики понимали, что Республика – единственная реальная сила, которая может их изловить и уничтожить. Поэтому в прямые столкновения с республиканской армией они уже давно не вступали, республиканские поселения старались обходить стороной, готовясь к решительному походу – Великому Очищению. Почитаемый за пророка и воплощение архангела Гавриила сумасшедший ветеран Последнего Боя, прозванный чистильщиками Мелхиседеком, предсказал, что рано или поздно Господь пошлет великое бедствие на нечестивую Республику, и именно тогда пробьет час, когда окрепшие чистильщики нанесут этому оплоту хананеев последний удар, уничтожая взрослых и детей, мужчин и женщин, тем самым верша волю Господню. А до этого Мелхиседек под страхом смерти запретил своим

последователям причинять какой бы то ни было вред Республике, и из разведданных это было известно Инспекторату. Поэтому непосредственной угрозы в чистильщиках не видели, считая дело их уничтожения далекой и не самой актуальной перспективой.

Однако не так давно внутри клана чистильщиков сформировалось наиболее фанатичное крыло, которое повел за собой новый пророк, прозванный себя Соломоном. Он возгласил, что Республика на грани краха и именно теперь самое время для крестового похода. В ходе внутриклановой микрореволюции, разведданные о которой у Инспектората были очень скудны, Мелхиседек и несколько его приближенных были устранены. А уже вскоре случилось предательство физика Якубовича, ставшее следствием захвата лаборатории и кражи ядерного заряда.

Часть этой информации была получена Верой от консультировавших ее начсота, военных и Жанны, из общения с Саломеей. Но в ходе непосредственного наблюдения за жизнью в приходе Вера узнала больше всего важных для выполнения задания подробностей из жизни чистильщиков. Несмотря на ежедневные церемонии, состоявшие из смеси православных молитв и каббалистических ритуалов, которые неизменно проводил Ахаз, почитавшийся в клане первосвященником, Вера не увидела в окружающих внешних признаков помешательства или фанатизма, которых стоило ожидать от членов секты со столь идиотскими целями. Апатия либо ненависть ко всем и вся, страх, загнанность, стадный инстинкт – все это заглушало преданность идеалам Великого Очищения. Знакомясь с этой группой чистильщиков, Вера не услышала ни одной истории сознательного целенаправленного прихода в секту. Впрочем, озлобленные и прихожане не особо любили рассказывать о себе. Зато Саломея, менее всего походившая на фанатичку, не прочь была поболтать с Верой, наверное, записав ее в потенциальные приятельницы. Невысокая и очень подвижная; с милым лицом, покрытым пигментными пятнами, впрочем, уже ставшими обычными у девушек Муоса; с пухлыми потрескавшимися губами. Выжженные клейма-кресты на лбах местных прихожан были гораздо меньше тех, которые Вера видела у чистильщиков, напавших на МегаБанк. А у Саломеи крест был почти незаметен под неровной растрепанной челкой темных волос, таких же нестриженных и нечесаных, как и у других чистильщиков, зато собранных в два несимметричных хвостика, отчего она выглядела юной и забавной, если, конечно, не вглядываться в пустые глаза. Такая внешность резко выделяла ее среди соплеменников, и неудивительно, что пастырь этого прихода Ахаз сразу же приблизил ее к себе. А по тому, как он к ней относился, как он на нее смотрел, Вера сразу поняла, что имел в виду Ирод, говоря, что из-за Саломеи

местный главарь сильно изменился.

История Саломеи была похожа на истории многих, если не большинства, молодых чистильщиков. Еще два года назад она со своими родственниками жила на хуторе (так назывались небольшие поселения, состоящие из пяти-семи родственников). Саломею – тогда, правда, ее звали как-то по-другому – захватили на Поверхности, на небольшом поле, принадлежавшем их хутору. Чистильщики, среди которых был Ахаз, выследили их, спрятались в руинах, и когда все хуторяне приступили к работе, выбежали из укрытия. Родители и братья бросились бежать к люку, но убегавшую Саломею сбила впившаяся в бедро арбалетная стрела. Не повезло и одному из братьев, глупо споткнувшемуся и вывихнувшему себе ногу. Родственники спокойно спустились под землю, заdraив за собой люк. Драться за отставших никто не собирался, об этом они уже давно договорились, «кто не успел, тот опоздал», и горевать по поводу уменьшения количества ртов в их вонючей конуре также никто не будет. Не собиралась скучать по родным и Саломея, особенно по опротивевшим братьям, которые, давно подавив возражения родителей и ее собственные, по очереди использовали сестру в качестве наложницы. Что стало с братом Саломеи, Вера не уточняла, это само собой подразумевалось. Он был одним из хананеев, нечестивцев, которые своим присутствием в числе живых мешают наступлению рая на земле. Судя по всему, один из ритуальных ножей своему брату вогнала сама Саломея. Не исключено, что она же лишила его шанса сохранить себе жизнь, примкнув к чистильщикам и убедив Ахаза в том, что тот недостоин такой чести. Слушая беззаботный треп Саломеи, Вера усилием воли подавляла в себе отвращение к ней.

Из рассказов Саломеи Вера поняла, что большинство новых чистильщиков были либо захвачены насильно во время нападений, либо прибрали в приходы таким же образом, какой симитировала Вера. Из-за страха, ненависти к кому-то, неожиданно теплого приема, оказанного новыми знакомыми, или безразличия ко всему неопиты соглашались на участие в ритуале. Вгоняли один из ножей в тело приносимого в жертву Великому Очищению, навсегда связывая себя с этим кланом кровью убиенного. Тем самым они лишали себя возможности вернуться назад, потому что в Республике, да и в немногочисленных оставшихся независимыми поселениях их ждала смерть. Но сильнее страха перед остальным миром их незримым образом связывал сам факт совместного пролития невинной крови и участие в каннибальских трапезах. Они ненавидели чужих, ненавидели своих, ненавидели себя и, пожалуй, ненавидели Бога, которому якобы служили, однако какая-то сила держала их вместе, как пауков в банке, и даже не давала перегрызть друг другу глотки. Конечно, эти выводы Вера сделала сама, в

исполнении же Саломеи все звучало с фальшивым и плохо скопированным по чьему-то примеру пафосом:

– Ты тоже почувствуешь ту великую благодать, которую изливает на нас Господь, когда мы представляем Ему очередного хананея. В момент святого очищения мы молимся за этого несчастного. Пока вместе с предсмертными воплями изходит из него нечестие, он обретает возможность на Великом Суде быть оправданным по делам его, которые он творил в своем заблуждении, и разделить с нами блаженство в раю. Для хананея большая удача быть приданным Господу вот так, а не просто умереть или пасть от руки чистильщика. Поэтому мы из сострадания к хананеям, прощая их заблуждения, стараемся придать их Господу, именно проведя через святое очищение, хотя нам было бы проще их сразу убивать. Вот и тебя, Лия, если бы Господом не дано было тебе возжелать стать чистильщицей, мы бы придали; и со мной бы сделали то же самое, не открой мне Господь глаза...

– А почему всех других людей вы хананеями называете? – прервала Вера уже в который раз начатую Саломеей песнь о милосердии чистильщиков.

– Хананеи? За тысячи лет до Последней мировой, Господь, приведя народ Израильский в землю обетованную, называемую Ханааном, даровал ее им. Но сначала евреям следовало очистить Ханаан от нечестивых обитателей. Сейчас земля обетованная – весь мир, который будет дарован новому святому народу: чистильщикам и всем, прошедшим святое очищение. Но пока что этот мир – Новый Ханаан, а его жителей, не примкнувших к чистильщикам, мы называем хананеями. Ты, Лия, тоже хананейка до тех пор, пока не пройдешь обряд.

В соответствии с давно наработанным сценарием, Саломея проводила непрерывное зомбирование Веры. Кандидатам не давали возможности обдумать свое положение и то, что они должны будут делать. На новенького обрушивались потоки жалости с мнимым участием к его судьбе; постоянные напоминания про те беды, о которых новичок успел рассказать в своей исповеди; проклятия в отношении хананейского мира, катящегося в пропасть; заверения в том, что именно сейчас бедолага встретил или встретила таких же братьев и сестер по несчастью, которые его понимают и всегда готовы помочь; обещания беспредельной любви этих самых братьев и сестер; ну и, конечно, внесение в небесные списки попадающих в рай уже с момента обращения. Как залог грядущих благ, будущему адепту давалось новое имя, как правило, взятое из Библии. Так Вера стала Лией.

Про само обращение Саломея говорила как бы вскользь, как о формальности пустячной и очень полезной для того, кто будет подвергнут очищению. А про далекие планы уничтожения всех хананеев, а затем и самих чистильщиков она предпочитала не упоминать вообще. Как не упоминала и о том, что судьба всего Муоса сейчас в руках ангелоподобных, уже давших обратный отсчет.

В другой ситуации Вера давно была бы представлена к ритуалу обращения, в ходе которого обязана была вогнать нож в тело плененного хананея. Но в приходе Ахаза чистильщики не придерживались жесткого фундаментализма, требовавшего держать кандидата в строгой изоляции, пока он не будет обращен. Да и подходящей жертвы пока не было. Правда, чистильщики в последние годы практиковали ритуалы над своими же: теми, кто в чем-то провинился либо вследствие болезни или ранения стал обузой для прихода. Для этого сошел бы и тяжелораненый брат Ахаза, но тот умер уже на следующий день после появления в приходе Веры, когда она еще прикидывалась слишком слабой для участия в ритуале. А к поиску других жертв Ахаз пока не приступал, потому что напряженно ждал, чем закончится затея ангелоподобных с ядерным зарядом.

Однажды, когда все остальные чистильщики уже спали, во время очередной такой беседы Вера воспользовалась сонным и расслабленным состоянием Саломеи, предприняв попытку ввести ее в гипноз. Это было рискованно из-за дремавшего рядом Ахаза – он почему-то относился к Вере с открытой неприязнью, и ему вряд ли понравилось бы то, что сейчас делала Вера. И все же Вера, не будучи совершенно уверена в том, что Ахаз крепко спит, решила не упускать удобного случая. Поднеся свою ладонь ко лбу лежавшей с открытыми глазами Саломеи, она тихонько шептала:

– Саломея, девочка, ты устала, устала, устала... Ты такая сильная, но теперь тебе надо отдохнуть. Чувствуешь, какая теплая рука, чувствуешь? Сейчас в эту руку уйдет все из тебя, ты вся нырнешь в мою руку. Ты уже в моей руке, Саломея?

– Да, я в твоей руке, – бесцветным голосом ответила Саломея, не шевелясь и не моргая, вглядываясь в гриб-светильник.

– Скажи, что стало с Иродом?

– Его убил Ахаз.

– Почему Ахаз убил Ирода?

– Ирод шел к ангелоподобным, чтобы донести на нас. Ангелоподобные хотят сделать Великое Очищение, взорвать бомбой весь Муос.

– Но ведь ты тоже хочешь Великого Очищения?

– Я не хочу умирать, Ахаз не хочет умирать.

– Когда это должно случиться?

– Послезавтра они пойдут закладывать бомбу.

– Куда?

– Валаам им скажет, он знает куда лучше.

– Где находится бомба?

– В приходе Соломона.

– Где приход Соломона?

– Я не знаю. Когда мы взяли бомбу, они ушли туда, где были всегда.

– А кто знает?

– Ахаз говорил, что знает, где они могут быть.

– Что вы думаете делать?

– Ахаз ходил в другие приходы. Там тоже недовольны ангелоподобными, но все их боятся.

– Ты, девочка, не умрешь, – уже почти в полный голос заговорила Вера. – Ты не умрешь, если убедишь Ахаза найти приход ангелоподобных и напасть на него. Я вам помогу. Надо спешить, потому что они скоро взорвут бомбу. Надо очень спешить. И надо взять меня. Если возьмете меня, я вам очень помогу. Я очень сильная, я заберу бомбу. И ты будешь жить, и Ахаз будет жить...

4

Когда Саломея проснулась после гипнотического сеанса, она вела себя очень беспокойно. Странно смотрела на Веру, как будто старалась что-то вспомнить. Потом ее начало трясти. Вера поняла, что едва не перестаралась с гипнотическими установками, когда Саломея неожиданно бросилась Ахазу в ноги и запричитала:

– Ахаз, великий Ахаз, веди нас в бой! Мы должны остановить Великое Очищение! Должны остановить немедленно! Бомба взорвется сегодня, бомба взорвется сегодня ночью. Веди нас, Ахаз!

Вера испугалась, что Ахаз решит, будто Саломея помешалась, и просто ее прогонит или предаст «очищению». Но очевидно, истерика Саломеи только взбодрила страхи самого Ахаза. Величественно положив руку на голову припавшей к нему Саломеи, он обратился к своим прихожанам:

– Чистильщики! Гордыня ангелоподобных толкнула их в великий грех. Как когда-то сатана, они предали Бога и ослушались Его. Они хотят взорвать бомбу, уничтожив до времени всех чистых, чтобы мы не смогли нести Великое Очищение в другие населенные места за пределами Муоса. Да не бывать этому! Мы идем уничтожать отступников! Идем уничтожать хананеев!

Впрочем, пламенная речь Ахаза не произвела на его прихожан особого впечатления. Никто из них не хотел умирать от взрыва атомной бомбы, но все они понимали, что означало выступление против ангелоподобных: вместо легкой смерти в неопределенном будущем они могли заработать куда более мучительную и неминуемую кончину уже в ближайшие день-два. И все же после рыка Ахаза его прихожане стали подыматься с пола и не спеша собираться в путь, подвязывая ножны с оружием и забрасывая за спину арбалеты.

Эти переходы были очень глубокими – наверняка около сотни метров под Поверхностью. Воздух здесь был затхлый, и идти приходилось большую часть времени по колено в вонючей маслянистой воде. Вера шла впереди, сзади – Ахаз с Саломеей, между ними плелись четверо «добровольцев». Метрах в пятидесяти сзади за ними тащились еще полтора десятка чистильщиков из других приходов, которых Ахазу удалось склонить на свою сторону. Ахаз неохотно доверил Вере один из арбалетов и меч, кривой, тупой и с обломанным ограничителем. Вера убедила чистильщиков в необходимости взять ее в этот поход, сделав несколько выстрелов из арбалета в гриб-светильник, впрочем, стараясь стрелять не слишком кучно. Но когда все три стрелы вошли в гриб, отчего он стал тускнеть, это убедило чистильщиков в истинности ее короткого рассказа о хороших стрелковых навыках девушек из поселения Серово.

Ахаз почти наверняка знал место, в котором новые ангелоподобные хранят бомбу. Перед развилками коридоров, люками и лестницами, ведущими на другие уровни коммуникаций, Ахаз подходил к Вере, объяснял, куда идти дальше, а потом отходил назад. Может быть, так он контролировал, чтобы не разбежалась его армия, а может, просто не желал погибать первым.

Это были северные окраины Муоса, где не было поселений Республики. Лишь заблудившиеся ленточники или чистильщики изредка забредали сюда. Но Вера уже почти без подсказок Ахаза знала, куда идти. То тут, то там она видела признаки недавнего движения небольшой группы людей, тащивших двухколесную тележку с 52-килограммовым грузом, массу, внешний вид и даже общий принцип действия которого Вере сообщили до начала операции.

Боясь, что громко топающие и шаркающие ногами чистильщики раньше времени выдадут свое приближение, Вера, пренебрегая конспирацией, властно потребовала от Ахаза, чтобы они шли сзади, на расстоянии видимости маленького гриба-светильника, который она подвязала за своей спиной. Ахаз на Верин добровольческий вызов кивнул – его это устраивало, но в его взгляде угадывалась решимость покончить с нею сразу после окончания операции. Решение этой проблемы Вера решила оставить на потом, после того как будет отбит заряд...

След от тележки уперся в ржавую металлическую дверь с едва читаемой трафаретной надписью: «Посторонним вход воспрещен». Верин мозг почти на автомате запоминал все подъемы и спуски, используя практически идеальный глазомер и пространственную память, делал быстрые расчеты, и теперь Вера

знала, что они сильно поднялись и находятся едва ли не на уровне земной поверхности. Скорее всего, они входили в подвальное или цокольное помещение какого-то предприятия. Именно такие входы во время создания в Муосе объединяющей коммуникационной системы за год-два до Последней мировой снабжали подобными надписями, а теперь поди разберись, кто является посторонним для этого помещения. Дверь проржавела и покосилась – из дыр и щелей лился едва заметный неоновый свет от грибов-светильников. Их там могли оставить только люди, но людей там не было, вернее, не было живых людей. Даже если бы они затаились или спали, Вера бы это услышала. Однако вместо звуков человеческого пребывания негерметичная дверь пропускала запах смерти, и Вера не таясь открыла дверь.

Хорошо бы сделать нормальный осмотр места происшествия, чтобы собрать максимум информации о том, что же здесь произошло. Но такие действия Веры очень удивили бы команду Ахаза, приближающийся топот которой был уже слышен. Вера кинулась к ближайшему трупу, засунула руку в подмышку, заглянула в глаза, быстро пробежалась по пятиметровой камерке, являвшейся в далеком прошлом теплоузелом и перевитой соржавевшими почти в труху трубами разных размеров. А когда шаги уже были за дверью, она отскочила к стене, оперлась на нее, театрально вытаращив глаза и прижав ладони к вискам. Она даже симитировала дрожь в губах и какое-то жалобное подвывание.

Ахаз, Саломея и другие чистильщики кинулись к трупам, бесстыже затаптывая следы. Вера, оставаясь на месте и по-прежнему играя роль остолбеневшей дуры, вместе с тем внимательно слушала и наблюдала за вошедшими, особенно за Ахазом, продолжала сканировать место происшествия и одновременно компилировала всю полученную информацию, чтобы понять, что же здесь произошло и что ей делать дальше.

Здесь пять трупов. Ахаз говорил, что ангелоподобных было шестеро, плюс седьмой – кандидат в ангелоподобные Якубович, он же Валаам. Ахаз уже сообщил присутствующим, что нет как раз Валаама и Соломона – нового предводителя чистильщиков. Убитых пятерых Ахаз называл по их библейским именам-кличкам. Вера запомнила и эти имена, но теперь это было не столь важно. Заряда, конечно, не оказалось. Нет сомнений, что именно завладение бомбой было целью убийства ангелоподобных. Термометра у Веры с собой не было (остался в следственном рюкзаке, который по понятным причинам она с собой взять не могла), но температурную чувствительность она методом

тренировок в себе развила достаточно хорошую, с погрешностью в один-два градуса определила температуру в помещении и в подмышечной впадине одного из убитых. Натренированный мозг моментально вывел расчет остывания тела такой массы при данных температурных условиях. Сопоставив это со степенью высыхания роговицы и загустеванием (подсыханием) крови, Вера сделала вывод, что они не успели буквально на шесть-восемь часов.

Все пять трупов лежали аккуратно, ногами ко входу. И их отчлененные головы с открытыми глазами, безучастно вытаращившимися в пустоту, были поставлены на живот каждому из их прежних владельцев и обращены также ко входу. Кроме того, каждому аккуратно в область сердца по самый ограничитель был загнан ритуальный нож чистильщиков. Учитывая, что ни у кого из убитых этих ножей не было, можно предположить, что каждому из них достался свой нож. По характеру пятен и брызг крови на одежде и полу Вера была уверена в том, что всех убивали лежащими, что смертельным для каждого явился именно удар ножом в сердце, а головы отрезали при уже не бьющемся сердце – слишком мало крови возле шейных срезов. Раз они на момент смерти лежали, значит, отдыхали, и уж точно с таким ценным для них грузом они не могли не оставить кого-то настороже, и этот или эти кто-то – именно те, кого нет среди убитых. Часовых могли убить вначале, но зачем тогда уносить или прятать их трупы? Все указывает на то, что часовые были убийцами или заодно с убийцами. Действовало не меньше двух человек: один закрывал руками рот и нос (иначе было не избежать непроизвольного вскрика, от которого могли проснуться другие), второй в этот же момент наносил сильный и точный удар в сердце. Теоретически это мог сделать и один человек, но пять раз подряд четко и решительно совместить эти действия, не допустив ошибки, было очень тяжело. Доступная Вере информация о Якубовиче указывала на то, что этот съехавший с катушек трудоголик-ученый, несмотря на глобальный перекося в своем мировоззрении, вряд ли мог самостоятельно столь хладнокровно и четко убить пять человек одного за другим. И главное, зачем ему это было делать? Конечно, он мог со временем раскаяться в своем предательстве Республики, решив все исправить, но для этого ему не нужно было устраивать эту бойню, достаточно было не сделать или сделать неправильно ту недостающую часть в цепи атомной бомбы и сбежать или гордо умереть. И совсем сказочно выглядит заражение раскаянием Соломона – самого фанатичного вождя чистильщиков. Значит, все-таки за рабочую нужно принять версию о том, что именно Соломон с Валаамом-Якубовичем являются исполнителями или соисполнителями убийства ангелоподобных и похищения заряда. А то, что он был именно похищен, Вера уже не сомневалась: Ахаз, его люди и чистильщики других приходов уже в десятый раз исползали теплоузел и обегали ближайшие ходы и смежные

помещения в поисках бомбы. За те полторы минуты, которые были у Веры до прихода Ахаза, она успела найти место, где хранилась бомба, – давно затоптанные бестолково суесящимися чистильщиками следы от колес да едва заметный прямоугольник на пыльном бетоне в небольшой нише под трубами указывали на место, где заряд лежал спрятанным еще часов восемь назад.

Главный вопрос оставался открытым: где находится заряд? И ступенью к решению этого вопроса была другая загадка: кто такой Соломон, и почему они с Якубовичем устранили ангелоподобных? Подсказка, возможно, крылась в том, что в течение одних-двух суток они должны были взорвать заряд, и именно по этой теме у них и произошла размолвка. Кто-то взрывать заряд хотел, а кто-то не хотел или пока не хотел, как Ахаз и Саломея. По тому, что говорил и как вел себя Ирод незадолго до его умерщвления Ахазом, что-то не верилось, будто бы среди ангелоподобных были какие-то разногласия по данному вопросу – он не сомневался в сплоченности их намерений. Значит, кто-то среди верхушки чистильщиков вел двойную игру, и этот «кто-то», конечно же, жив. Вывод напрашивался сам собой: Соломон не тот, за кого себя выдавал. Раз он появился недавно, сверг и казнил Мелхиседека, сменил стратегию чистильщиков на агрессивную по отношению к Республике, сразу после этого последовало нападение на лабораторию, а затем и исчезновение Соломона с похищенным зарядом – значит, заряд и был основной целью его внедрения! Откуда же он взялся? Кто он? Единственное, что совершенно ясно: он не чистильщик. А значит, нужды в дальнейшем присутствии Веры среди чистильщиков нет.

Пока все эти силлогизмы выстраивались в Вериной голове, чистильщики обегали все вокруг и, убедившись в тщетности своих поисков, вернулись к теплоузлу. Они жадно смотрели на трупы ангелоподобных, еще при жизни внушавших страх, не решаясь предложить то, что пришло на ум каждому из них. Веру не интересовало, чем закончатся их внутренние борения, поэтому она постаралась незаметно выйти из теплоузла. Но Ахаз все это время тоже наблюдал за ней. Возможно, он каким-то образом увязал гибель ангелоподобных и исчезновение заряда с присутствием здесь Веры. Уже в коридоре она услышала голос Ахаза:

– Лия, стой! А ну, за ней!

Вера сейчас была далеко не в лучшей форме, но все же физически она намного превосходила доходяжних чистильщиков. Несколько минут она еще слышала сзади их топот и крики, но вскоре, скрывшись в одном из ответвлений коридора, ушла от своих не слишком настойчивых преследователей.

Пока Вера без особого труда увеличивала дистанцию между собой и чистильщиками, она еще раз перебирала те скудные крупички информации, которые почерпнула из рассказов Саломеи и Ахаза, снова и снова сопоставляя с данными осмотра места происшествия. Можно сказать, она и сейчас продолжала осмотр теплоузла. В ее развитую память записалась обстановка этого помещения, и теперь Вера продолжала сканировать виртуальную картинку в своей голове, по одной выдергивая и изучая детали. Эта мозговая работа сама по себе не дала ответов, но помогла правильно сформулировать новые вопросы, которые, возможно, помогут понять, кто есть Соломон, куда он ушел, а значит, и где искать заряд.

Чистильщики будут заняты разделкой трупов не меньше часа, и это давало Вере фору, чтобы попытаться добыть один предмет, который мог стать зацепкой к установлению личности Соломона. Вера несколько раз наблюдала, как Ахаз листал небольшой замасленный блокнотик из грубо сшитых между собой нескольких листов серой бумаги. Это чтиво заставляло его нервничать, он несколько раз нервно отбрасывал блокнотик, задумывался ненадолго, потом снова хватал его в руки, быстро перелистывал страницы и засовывал в рюкзак Ирода, после убийства последнего доставшийся Ахазу в качестве трофея. Однажды Саломея спросила, потянувшись к блокнотику, чтобы взять его в руки:

– Что читаешь? Можно посмотреть?

Ахаз ударил Саломею по протянутой руке и спешно спрятал блокнотик в рюкзак. Но потом смягчился и пояснил:

– Тебе не стоит читать бредни этого Соломона.

Тогда Вера не посчитала эту информацию значимой. Сейчас же, когда бомба оказалась в руках Соломона, любые сведения о нем могли оказаться ценными. Вера, несмотря на болезненную одышку и ломоту в ослабленном организме, почти бежала, рискуя нарваться на хищников или засаду тех же чистильщиков. Она опередила банду Ахаза не более чем на полчаса. В приход вел один-единственный узкий коридор, и, вернись Ахаз раньше, чем Вера найдет то, за чем пришла, она окажется в западне. Войдя после многочасового отсутствия в

помещение прихода, Вера невольно поморщилась. Затхлый воздух в этом никогда не убравшемся помещении был почти едким от вони. И дело было не только в том, что здесь же, прямо в углу в неглубокой яме, чистильщики устроили себе туалет. Приступы тошноты вызывал смрад от гниющих костей, в основном, человеческих, разбросанных тут и там. Плесень, находящая себе здесь обильную пажиту, покрыла противной слизкой пленкой полы и стены. И в этой клоаке, словно гигантские опарыши, лежали почти неподвижно или едва шевелились семь или восемь чистильщиков, которые уже не в силах были покинуть границы прихода. Кто-то из них безучастно посмотрел на влетевшую в приход Веру, остальные не смогли или не захотели сделать даже этого. Вера, быстро справившись с приступом брезгливости, переступила через старуху, ползшую со стороны выгребной ямы к своему лежбищу, устланному какой-то ветошью, вонючей и такой же слизкой, как и все здесь вокруг. Впрочем, может быть, это была еще совсем не старуха, и может быть, даже не женщина. Голод и болезни очень быстро делают из людей почти бесполой всевозрастных существ. Но самое страшное – потеря в человеке того, что кто-то называет душой, кто-то совестью, кто-то самосознанием. Переступая в некий момент черту, решая кажущуюся в данный момент важной проблему сохранения жизни или чего-то еще и совершив для этого чудовищное зло, человек убивает в себе тот невидимый стержень, который отличает его от множества других тварей, населяющих этот умирающий мир. Он вроде бы остается человеком и даже какое-то время ничем внешне не отличается от других людей, с трудом удерживая на себе маску внешнего благополучия или даже озабоченности высокими идеями. Но как только приходит болезнь или нужда, не соответствующая нутру личина разваливается от своей же тяжести, и человекообразное существо уже и внешне становится тем, кем себя сделало внутри. Вере приходилось видеть тяжело больных людей и стоящих на пороге смерти. Они страдали, плакали, порою боялись. И все же они оставались людьми. А эти... не вызывали даже жалости.

Вера нашла рюкзак Ахаза в куче засаленного сырого тряпья, служившего супружеским ложем для Ахаза и Саломеи, схватила его и быстрым шагом вышла из опостылевшего прихода. К счастью, она успела выйти к тому месту, где слепая ветвь коридора, ведущая в приход Ахаза, соединялась с туннелем. Метрах в пятидесяти шумные чистильщики тащили в свертках, сделанных из одежды ангелоподобных, разрубленные части тел бывших хозяев этой одежды. Вера дождалась, пока они свернули в сторону прихода, а сама все так же бесшумно пошла дальше.

– Очень интересно: «Я есмь архангел, пришедший разрубить четвертую печать. Мое имя – Смерть. Я есмь всадник, оседлавший коня бледного. Пришло время завершить святое дело Господне и очистить землю для Царствия Божия...» – Жанна читала блокнотик с демонстративным пафосом, причем делала это с показным удивлением, как будто бы в первый раз.

Вера догадывалась, что с того момента, как вчера вечером она принесла блокнот в штаб, доложив, что эти письма как-то связаны с похитителями ядерного заряда, Жанна не сомкнула глаз. Как минимум все психологи, а возможно, и кто-то из Инспектората, а может быть, и ученых, были задействованы в том, чтобы вычитать между строк что-нибудь о личности Соломона. Почему-то подумалось, что здесь мог очень помочь Вячеслав – один из последних ученых-гуманитариев в Мюосе, но его к этому заданию вряд ли привлекли.

– Что касается текста, – с обнадеживающим удовольствием сообщила Жанна, – то однозначно все писалось под диктовку этого самого Соломона. Есть в тексте определенные особенности, которые указывают на то, что автор и писарь – разные лица, но работали над текстом одновременно. Вернее, писарь очень внимательно, боясь что-нибудь упустить, нервно и фанатично писал то, что ему «вдохновенно» надиктовывал новоиспеченный пророк. Само содержание значит мало что: окрошка из цитат Апокалипсиса Иоанна, замешанная на доктрине современных нам чистильщиков, но с более радикальной решимостью покончить со всем в ближайшие сроки, да все это обильно смочено банальной мироненавистнической философией и туманными пафосными угрозами, типа...

Жанна перелистнула еще несколько страниц и, пародируя пророка, охваченного проповедническим экстазом, прочитала несколько строк:

– «Горе вам, хананеи, что бежите по длинному туннелю, ломая все на своем пути и убивая друг друга. Горе вам, надеющиеся найти выход, которого в этом туннеле нет! Вы, утратившие цель, веру и Бога, несетесь в никуда. Но Бог воздвигнет стену огненную, о которую вы разобьетесь, и эта стена – чистильщики, а фундамент стены – ангелоподобные!..». Если ты обратила внимание, то тема захвата и взрыва бомбы здесь попросту проходит красной нитью: «И сказал Господь: пойдя изыми у хананеев их огонь неугасимый, который есть Звезда Полынь, для борения с архангелами приготовленная. И сожги их всех их же огнем за нечестие их...». Ну и так далее... Проще говоря,

основная мысль этого пророчества – «надо украсть бомбу», все остальное – лишь фон и мишура. Даже взрыв бомбы тут упоминается лишь кое-где. Главное, ее украсть... Насколько я в этом сведуща, религиозные тексты так не пишутся, даже если их авторы – полоумные. В таких произведениях не размениваются на детали и не пытаются во главу угла поставить сиюминутную идею. Так что текст был явной пропагандой похищения бомбы. Единственным разумным объяснением его появления является желание Соломона завербовать среди чистильщиков побольше бойцов для похода на лабораторию, что, собственно, ему и удалось. Я полностью согласна с твоей догадкой, что сам Соломон – никакой не чистильщик. Просто было очень удобно чужими руками загрести жар, а потом все свалить на придурков-чистильщиков. Впрочем, все, что я сообщила, лишь обоснование твоих догадок, которые ты ранее изложила Штабу. Но вот с вопросом, который ты поставила перед инспекторами-психологами – о том, кто такой Соломон, – дела обстоят похуже. Как ты знаешь, все до единой буковки в блокноте исписано почерком так называемого Ирода. Личность его уже давно, еще до твоего подключения к операции, была установлена, хотя мне как человеку штатскому таких подробностей знать не доверено. Ну и ладно. Важно то, что Ирод был, как я уже сказала, очень старательным писарем. Как следствие, мы владеем почти оригинальными монологами Соломона. Если срезать с них толстый слой псевдорелигиозных кривляний, мы получим некоторый остаток словарного запаса и уникального разговорного стиля, почти столь же неповторимого, как почерк. Мы однозначно можем сказать, что этот человек – выходец из Центра, как минимум два десятка слов в тексте, причем слов, повторяющихся не раз, не употребляют в других секторах и тем более в дальних поселениях. Мы знаем, что этот человек образован, а значит, скорее всего, обучался в Университете: как он ни старался прикинуться фанатичным дурачком, проскакивали у него определенные словечки и обороты, да и речи структурированы так, что выдают в нем человека образованного. Что касается выяснения его профессии и занятий до того, как он подался в чистильщики, дела обстоят куда хуже. Это все-таки религиозный текст, а не мемуары. Встречаются разные типичные и нестандартные аллегории, но какой-то явной профессиональной наклонности их автора они не выдают. Например, это: «И как свиной навоз под сапожищем фермера, будут они попираемы в день тот...» – может говорить о крестьянском происхождении Соломона, а может, и нет: все-таки понятия «навоз», «свины», «фермер» общепонятны и общеупотребимы. Но если это все же пригодится, то запоминай эту небогатую статистику упоминания профессиональных терминов: четыре – фермерская тематика, три – военная, по два – преподавательская, медицинская и кожевенная, по одному – кузнечная и текстильная... Ну вот, пожалуй, и все...

– И все? – с сарказмом спросила Вера.

– Ну а что ты хотела, подруга, – невозмутимо отвечала Жанна, спрятав блокнотик в шуфляду своего стола. – Думала, что мы тебе сообщим, кто такой Соломон? Это не работа психолога, это твоя работа, следовательно!

Жанна, слегка улыбаясь, приподняла руки ладонями вверх, направив их в сторону двери и склонила голову, как бы уступая дорогу Вере, но в подтексте предлагая ей убраться из кабинета. Вера не заставила себя ждать, но, поднявшись с табурета, бесцеремонно перегнулась через стол, открыла шуфляду и забрала оттуда засаленный блокнот. Жанна в ответ лишь еще милее улыбнулась и проводила Веру из кабинета своим колючим взглядом.

7

Следующие сутки Вера провела в Архиве Инспектората. Из двух десятков стеллажей, плотно расставленных в небольшом помещении, четыре были заполнены коробками с учетными карточками живущих и умерших жителей Муоса. Большую часть карточек составляли те, которые были заведены сразу после Последней мировой – во время первой и единственной переписи жителей Муоса, устроенной последним Президентом Беларуси. На рожденных после переписи тоже заполнялись такие карточки, но по мере уменьшения президентской зоны влияния все меньше и меньше информации поступало в архив. Затем архив Муоса стал архивом Центра, а теперь – Архивом Республики. По мере расширения владений Республики карточки заполнялись и на новых граждан. Но даже с учетом этих пополнений всего три неполных коробки хватило на то, чтобы вместить информацию о живых. Если человека не стало – карточку из коробки извлекали и перемещали в одну из «мертвых», которых здесь было намного больше. Да еще две коробки – без вести пропавшие, то есть те, от которых не осталось даже трупов, или по крайней мере отсутствовали очевидцы, достоверно наблюдавшие их гибель. Именно такие карточки больше всего интересовали Веру. Среди этой толщи бумаг она пыталась отыскать информацию о Соломоне, вернее, о том, кто пытался прикинуться полоумным вождем чистильщиков.

«Малицкий Иван, рожден в минус пятом году, информация о родителях не сохранена, по Переписи приписан к станции Институт Культуры. В пятом году окончил школу на станции Институт Культуры... В тринадцатом году присвоен

УЗ-6, в пятнадцатом – УЗ-5, в семнадцатом – разжалован в УЗ-9, в качестве раба сослан в Верхние Помещения Института Культуры... участник Великого Боя, ампутирована нога... за несанкционированное употребление и хранение опия сослан в Верхние Помещения Института Культуры... Во время выхода на Поверхность такого-то числа пропал. Последний наблюдавший – Якуненко Анна. По словам последней, подвергся нападению хищников: был утащен живым в заросли, откуда звал на помощь в течение десяти минут. Степень вероятности смерти – 98 %...».

Вера читала эти посеревшие листки с выжатыми до скрипящей сухости людскими судьбами. Вся информация дословно откладывалась в ее голове. Три десятка карточек об исчезновении мужчин из центральных поселений за последние семь лет. Она стремительно вышла из архива, унося в голове только ту информацию, которая могла оказаться нужной. В бешеном ритме ее разум неустанно перекладывал виртуальные копии карточек, то обводя несуществующим маркером, то затушевывая определенные графы. «Мещеряков Егор, плюс восьмой год... Станция Октябрьская... Ушел с торговым обозом... Не вернулся... Яненков Осип... Поселение Питоново... Нападение бандитов, труп не найден... Капельчук Сергей...». Пока она шла узким сухим коридором, ведущим в бункер архива, она сократила список возможных кандидатов в Соломоны до двадцати человек.

Следующие полтора суток ушли на обход станций Центра и ближайших к ним поселений. Администраторы поселений с чрезмерной услужливостью снабжали Веру информацией о пропавших людях. Вера допрашивала тех, кто последними видел пропавших, по несколько часов беседовала с их друзьями и близкими, выясняя до мельчайших подробностей особенности и привычки тех, кого давно не видели. Постепенно список «кандидатов» сокращался: непризнание некоторых погибшими было простой формальностью – в их смерти даже у Веры не возникало сомнений, просто таково было правило: в умершие записывали лишь тех, чьи трупы захоронили. Другие хоть и пропали при обстоятельствах, не исключавших их выживание, но не обладали и тенью тех способностей, которые могли бы сделать из них Соломона. Постепенно список проверяемых сократился до нуля – никто из перечня без вести пропавших не мог быть Соломоном. В таких случаях следовало либо начать с начала – осуществить более тщательное изучение уже проверенных кандидатов, либо принять меры к расширению круга поиска.

Мысленные карточки с анкетами без вести пропавших, дополненные сонмом вновь полученной информации по каждому записанному в них человеку, словно колода игральных карт, постоянно перетасовывались в Вериной голове, сопоставлялись так и эдак, накладывались на прочие известные ей факты, которые имели отношение к этому делу. Эта работа в сознании Веры приостанавливалась только на время сна. Каторжане, крестьяне, сталкеры, военные... – именно из этой группы риска состояла большая часть пропавших...

– Стоп!!!

В этот момент Вера сидела в небольшой пещерке, образовавшейся в результате проседания грунта. Вера давно облюбовала это место. Расщелина находилась почти в самом центре Улья, но сюда никто не ходил, видимо, боясь обвала. Последние два дня Вера провела здесь – в кромешной темноте, не разрываемой даже светом грибов-светильников. Она старалась полностью отключиться от внешнего мира, чтобы никакие раздражители – ни звуки, ни свет, – ничто не мешало мышлению. Думать – это единственное, что ей оставалось делать, потому что вся информация, которая могла быть получена, уже находилась в ее голове.

– Стоп!!! – сказала себе Вера.

Она выдвинула одну из шуфляд в своей памяти и невидимой рукой извлекла оттуда несколько карточек: «пропал без вести при зачистке прилегающей к поселению Поверхности в составе отряда самообороны поселения...», «пропала без вести при отражении нападения диких диггеров», «пропал без вести в Битве со Змеями». Все пропавшие без вести в ходе военных операций были гражданскими лицами. Некоторые из них входили в число администраторов, а некоторые просто в состав местной самообороны, но никто не был военным! Вера еще раз вернулась к информации о погибшем в Битве со Змеями – это был бурлак, один из каторжан, приписанный к поселению в Центральном секторе. Он попал в выборку, потому что до каторги жил в Центре и потому что пропал без вести в Битве со Змеями. Тогда не вернулась целая объединенная группа военных и бурлаков, и никто не видел и не мог пояснить, при каких обстоятельствах они пропали. На следующий день к озеру был направлен большой поисковый отряд, который собрал трупы военных и бурлаков и прямо там, на Поверхности, захоронил найденные тела. И все же два или три убра из той группы числились без вести пропавшими, потому что тел их не нашли, а живых очевидцев их гибели не было. Не было и сомнений, что все они погибли,

скорее всего, были сожраны змеями, и искать среди них Соломона – пустое дело. Но факт остается фактом – ни один из них не попал в картотеку пропавших без вести, хотя должны были значиться там – ведь все они приписаны к Урочищу, одному из поселений Центра. В то же время бурлак-каторжанин, пропавший вместе с ними, в этом перечне оказался. А это значит, что Вера обладала не всей информацией о пропавших выходцах центральных поселений.

– Уж не думаете ли вы, следовательно, что Соломоном мог оказаться кто-то из военных или уборов?

Генерал старался не отводить глаз от пристального взгляда Веры, сверлившего его насквозь, но делать это ему становилось все труднее. Он откровенно начинал опасаться самого молодого капитана в Силах Безопасности Республики. Чего стоило его внезапно пробившееся обращение на «вы». Его основательный, но неповоротливый разум категорически отказывался признавать в этом жестком следователе ту гологрудую пигалицу, которую всего пару лет назад привел в Штаб один из следователей. А она как ни в чем не бывало, будто из пращи, швыряла в него жесткие фразы, уклониться от которых было тяжело:

– Для того чтобы начать думать, мне надо увидеть то, над чем нужно думать. Я потратила трое суток, надеясь, что отрабатываю исчерпывающий перечень пропавших без вести. Оказалось, что я ошибалась. Судя по вашим недвусмысленным ответам, в Штабе ведется еще одна картотека, о которой я проинформирована не была. В соответствии с пунктом четыре части первой параграфа тридцать седьмого Уголовного закона Республики воспрепятствование расследованию, в том числе путем умышленного сокрытия или умолчания информации, которая может способствовать расследованию, карается...

Генерал успел перебить, заметно стушевавшись, и наконец отвел взгляд от Веры якобы для того, чтобы зачем-то посмотреть на карту:

– Не надо мне ваших параграфов. Вы должны понимать, что информация о погибших и пропавших без вести военных – это фактически информация о военных действиях, общий доступ к которой мы разрешить не могли. Конечно, мы предоставим вам эту информацию, если вы так уверены в ее необходимости. Сообщите параметры, по которым необходимо осуществить отбор карточек, и

они будут вам предоставлены.

Вера еще несколько секунд сверлила взглядом спину генерала, думая, как ей отреагировать на его ответ. Она ожидала, что генерал по ее требованию предоставит весь секретный архив, а не поручит «осуществить отбор» карточек. И судя по побагровевшей шее ссутулившегося над картой Дайнеко, тот опасался, что Вера потребует непременно всю картотеку. Генерал этого не хотел, и дело было не только и не столько в нем: кто-то, стоявший над генералом, категорически не мог позволить этого. Нарушив тягостную паузу, Вера сообщила:

– Мне нужны все карточки без вести пропавших сотрудников Сил Безопасности Республики за последние три года. Но нужны срочно, не позже чем через час.

– Хорошо, следовательно, – с облегчением выдохнул генерал и наконец-то повернулся к Вере. Он почти не скрывал своей неприязни к ней, граничащей с ненавистью. Формально Вера, сотрудник Сил Безопасности, являлась его подчиненной. Но Закон наделил ее такими полномочиями, при которых она могла его арестовать, а он ей не мог сделать ничего. Он почему-то подумал, что даже убить ее при случае у него не получится: его мощное, но уже дряхлеющее тело не дает ему никаких шансов против этой прыткой титановой девки.

8

Вера шла по коллектору. Еще полгода тому воды здесь было едва по щиколотку. Теперь же мутная жижа едва не переливалась через голенища ее сапог. Но Веру настораживала не возможность замочить ноги, а те опасности, которые могли скрываться под водой, например, как тот краб, в западню к которому она едва не угодила в начале войны с диггерами.

И все же Вера предпочла именно этот более длинный маршрут просторному туннелю Московской ветви. В который раз начались волнения в Восточном секторе, на этот раз переросшие в открытый бунт в поселении «Восток». Когда Вера получала последнее задание, Третий следователь ушел устанавливать зачинщиков бунта вместе с отрядом военных, которые должны были этот бунт подавить. Вера случайно видела уходивший отряд – семеро армейцев и два спецназовца без офицера. Это был еще один штрих в общей картине, сложившейся в Верином представлении о войне с диггерами. Нехороши там дела

у Республики, если Штаб вынужден направлять на другие задания неполные спецназовские пятерки, разбавляя их отрядами армейцев.

Еще раз убедиться в обоснованности своего пессимизма Вера смогла, посетив «осадную группу Ментопитомник». Сюда ее привела одна из шести карточек пропавших без вести военных, «любезно» предоставленных ей Штабом. Три карточки были заполнены на убров и армейцев, не вернувшихся с Комсомольского озера. Вере было достаточно своих собственных воспоминаний о Битве со Змеями, чтобы свести к нулю возможность выживания тех, кто формально был причтен к пропавшим без вести. Еще три карточки были заполнены на военных, которые пропали на войне с диггерами. Веру не удивило то, что других операций, где бы пропадали военные, не было – армейцы и спецназовцы не оставляли своих никогда, вернее, почти никогда. Ее удивило другое – то, что две карточки принадлежали Пахе и Сахе. Их послужной список, часть которого была списана с давно составленных Вериных рапортов, заканчивался небольшим перечнем длительных операций Войны с диггерами, проведенных под началом других командиров. Заканчивался список строкой, ничем, кроме кода операции, не отличающейся от других: «операция Д-36, закончена успешно, участие предельное». И сразу за ней неожиданная запись в карточке каждого о том, что после этой операции они оба добровольно напросились в дозор, в котором их не оказалось уже при первой поверке. Следов схватки, как, впрочем, и никаких других следов в месте дислокации дозора обнаружено не было, из-за чего в карточку был вписан вывод: «Наиболее вероятная причина исчезновения – дезертирство». Что-то в этой истории не укладывалось в резюме, очевидно, переписанного дословно из командирского рапорта. И дело даже не в том, что Вера лично знала близнецов и ей не верилось, что эти простоватые смельчаки-забияки могли струсить или настолько разувериться в спецназовской службе, чтобы так вот разом убежать. Факт дезертирства не вязался с оценкой, выставленной Пахе и Сахе в их последней операции под кодовым названием Д-36; «участие предельное» – это была высшая оценка, которую командиры ставили не так часто. И вдруг в этот же день – дезертирство... Вера пожала плечами и отбросила обе карточки вместе с посторонними мыслями. Ясно, что ни Саха, ни Паха не подходят под образ Соломона – слишком просты, слишком молоды, не тот регион, а самое главное – их говор. Хоть десяток характерных для них словечек в пространную проповедь Соломона попасть должны были по-любому.

Оставалась одна карточка армейца, который исчез во время диггерского набега. Сержант вместе со своей пятеркой охранял какой-то агрегат, используемый Республикой в войне с диггерами. Диггеры сделали вылазку, уничтожили

агрегат и исчезли. Возле разломанного инструмента было найдено четыре трупа; сержанта там не оказалось – только его оружие. Увели его диггеры, убежал он куда-то сам или утащили его труп хищники – осталось неизвестным. В любом случае, он тоже не подходил под психологический портрет Соломона, к тому же происходил из партизан, а не из центровиков, да и исчез слишком поздно, чтобы успеть «обратиться в Соломона» и увлечь за собой почти всех чистильщиков.

Поэтому Верина настойчивость в истребовании карточек пропавших без вести военных, поставившая в неловкое положение главу Сил Безопасности Дайнеко, оказалась напрасной. Очередные сутки были потрачены зря, а значит, Муос стал еще на один шаг ближе к своей гибели. С момента возвращения от чистильщиков Вера почти не спала. Даже ее тренированный организм начинал сдавать. Ее мозг, не переставая гонять мысли по замкнутому кругу, ища какие-то связи между известными ей фактами и событиями, находился в состоянии, близком к апатии и отчаянию. Не добавляло оптимизма и то, что она увидела в лагере с гордым названием «осадная группа Ментопитомник», в котором ей пришлось опрашивать очевидцев исчезновения последнего из шести без вести пропавших. Два десятка солдат скучились в узком и длинном проходе ко входу в Ментопитомник, наполовину залитом тухлой водой. Это столичное поселение диггеров вновь перешло в руки врага, и теперь сдавать его они не собирались. Грязные спецназовцы, армейцы и рабочие, уставшие от неопределенности, упорства диггеров, забаррикадировавшихся за массивными добротными стенами, и постоянной опасности быть атакованными осажденными или их неуловимыми сотоварищами, которые могли появиться в любой момент с другой стороны, вынуждены были месяцами прозябать в едва освещаемой слабыми лампами смрадной темноте. Даже Верино закремневшее нутро заняло при взгляде на приподнятые над водой сбитые из досок нары, по которым, словно черви, были вынуждены ползать ее бывшие сотоварищи, стараясь не задевать низкий свод потолка, покрытый толстым слоем плесени, пожираемой слизнями, которые в последнее время научились присасываться и к спящим осаждающим. Их пропитанные влагой одежды также покрылись слизью и плесенью, отчего люди стали сами похожи на слизней и часто болели.

Но несмотря ни на что, Штаб не давал команды к отступлению. Все возможные ресурсы были задействованы, чтобы любыми средствами проникнуть в одно из последних убежищ диггеров – лучшие инженеры усовершенствовали долбильные и сверлильные механизмы для того, чтобы проковырять массивные железобетонные стены, за которыми скрывались диггеры. Хотя горькая ирония выполняемой задачи заключалась в том, что никто толком и не знал, скрывается

ли кто-нибудь в Ментопитомнике на самом деле. Может быть, за долгие месяцы диггеры вымерли от голода, а может, прорыли выход и ушли. А может, у них изначально имелся секретный ход, о котором не было известно Республике. Этого не знал точно никто, и осадная группа Ментопитомник настырно выполняла приказ Штаба любыми судьбами захватить столичное поселение диггеров.

Как результат усталости, недосыпания и граничащей с отчаянием досады от невозможности разрешить поставленную ей задачу окружающая Вера действительность приобрела какой-то нереальный призрачный окрас. Пол подскочил, со свода туннеля посыпались обломки, раскаленный воздух сорвал Вера с ног и бросил на успевшую стать горячей стену, больно ударившись о которую, Вера рухнула в воду. Над водой прокатился огненный смерч, который мигом вскипятил верхний слой мутной жидкости, ожег Верину спину и превратил в пепел спинку ее комбинезона. Все-таки она не успела! Атомный взрыв сжег Муос, прокатившись плазменным ветром по просторным метрошным туннелям, а затем продезинфицировал от всего живого и неметрошные ходы. Когда Вера приподнялась из воды, ставшей нестерпимо горячей, но секунду назад спасшей ее от выжигания, на первом вдохе ее грудь скрутил огненный спазм – горячий, пропитанный паром воздух опалил ее легкие. Иногда ей казалось, что она слышит далекий раскат, эхо, доносимое туннелями. Может быть, это взрыв атомного заряда, который она не смогла найти; может быть, спустя одну-две секунды пол вздыбится, потолок обвалится, а горящая плазма испепелит все то, что в данный момент пока еще является Верой.

– Не успела! – пыталась выкрикнуть Вера, но обожженные легкие родили лишь жалкий сухой хрип.

Вера, шатаясь, стояла в закипающей воде, из последних сил стараясь противостоять сильному ветру, порожденному взрывной волной. Свет залил туннель, нестерпимо яркий свет, растворивший потолок и стены, растворивший в себе саму Вера. Это не могло быть атомным излучением – оно непременно было бы поглощено изгибами туннелей и переходов. Ветер как-то незаметно стих, прошла боль от ожогов, тело стало невесомым. Вера пыталась посмотреть на себя, но почему-то не смогла этого сделать. Навстречу шли люди, десятки, сотни людей в белых комбинезонах. Они шли навстречу свету и непринужденно разговаривали, весело указывая друг другу на его источник. О чем они говорили, Вера никак не могла разобрать. И лиц их тоже не могла рассмотреть, хотя

многие из них казались ей до боли знакомыми. Когда люди подходили, Вера надеялась, что они объяснят ей, в чем дело, но они проходили мимо, а некоторые даже сквозь нее, как будто она стала бестелесным духом. Лишь один остановился и положил ей руку на плечо. Вера пыталась рассмотреть знакомые черты, но как-то все не получалось – яркий свет резал глаза.

– Девочка моя, сколько ты дел-то наделала... – с грустью произнес отец.

– Папа? Папа, я не успела?

– Вера-Вера...

– Папа, они взорвали ее! Муос погиб!

Вера хотелось плакать – игра проиграна, и сдерживать эмоции было уже ни к чему. Ей нестерпимо захотелось прижаться к отцу, но перед ней стоял не он. Знакомый балахон с капюшоном, под которым даже не видно глаз. Он не двигался и, казалось, не говорил. Слова незнакомца как будто сами всплывали в Верином мозгу:

– Муос давно уже погиб. А до этого погиб весь мир. Но дело не в Муосе, дело в тех, кто гибнет каждый день.

– Идущий-по-Муосу?

– А ты, значит, очередной спаситель Муоса? И во сколько смертей ты оцениваешь это спасение?

– Не понимаю твоей болтовни... Если ты так много знаешь, то почему не предотвратил этого...

– Рано или поздно это или подобное этому все-таки случится...

– Значит, это сон? – с надеждой спросила Вера. – Значит, есть еще шанс? Идущий-по-Муосу, если ты существуешь, помоги мне! Слышишь, помоги... Помоги мне успеть!

Но незнакомец уже уходил, он исчез за пеленой ослепительного света. Лишь отдаляющийся голос неодобрительно звучал:

– Все хотят успеть! Только вот куда успеть? Вместо того чтобы карабкаться вверх, все несутся по туннелю, в конце которого нет ничего...

Вера открыла глаза. Все-таки она отрубилась, заснула стоя по колено в воде, едва лишь прижавшись плечом к стене. Атомный взрыв оказался кошмарным сном, но Вера могла поклясться, что слышит удаляющиеся шаги идущего по воде человека. Она не стала его догонять, догадываясь, что это все равно бесполезно. Да если б и догнала, где гарантия, что он не стал бы продолжением этого страшного видения. Это было не важно. Важны были последние слова Идущего-по-Муосу, в которых Вера уже улавливала разгадку своей мучительной задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/petrov_zahar/metro-2035-muos-padenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)